

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

ПЕРСОНА НОН ГРАТА

Владислав Виноградов

Сделано в СССР. Любимый детектив

Владислав Виноградов

Персона нон грата

«ВЕЧЕ»

2017

Виноградов В. И.

Персона нон грата / В. И. Виноградов — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7121-6

Любовь и ненависть, подлость и благородство, убийства и политические интриги, соперничество спецслужб, российский авиационный гарнизон и столица пребывания наших войск, издавна именуемая еще и «столицей шпионов», — все это в остросюжетном романе известного петербургского писателя Владислава Ивановича Виноградова. Действие его происходит на фоне вывода российского контингента из Европы. Советского Союза уже практически нет, но в центре зарождающегося Евросоюза еще стоят наши солдаты...

ISBN 978-5-4484-7121-6

© Виноградов В. И., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

От автора	6
Часть 1. СМЕРТЬ ЗНАЕТ ВАШИ АДРЕСА	7
1. Поцелуй Евы	7
2. «Когда ты врал: тогда или теперь?»	10
3. Ультиматум	12
4. Немые тревоги	14
5. Пепел Чернобыля	17
6. Последнее предупреждение	20
7. Курок взведен	24
8. Небо было голубым	26
9. Лед и пламень	29
10. Предчувствие любви	32
11. Дружила собака с волком	34
12. Красная стропа	37
13. Эхо давних выстрелов	39
14. Воскрешенный из небытия	42
15. Росчерком пера	44
16. Восемнадцать мегатонн	47
17. Ламбада на пустыре	50
18. Закон классической трагедии	53
19. Царство племени Формико	55
20. Право самостоятельного выбора	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Владислав Виноградов

Персона нон грата

© Виноградов В.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

От автора

Вместе с Эльвирой мы жгли секретные документы в дворике за высокими стенами, отгородившими нашу контору от любопытных глаз. Зубастые «шредеры» уже были в обиходе, но мы знали, что мелкое бумажное крошево, в которое с помощью этих машинок обратили свои секреты сотрудники министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики, иначе «штази», уже скопировано. Уже хитрые компьютерные программы, разработанные в четвертом отделе БФФ – внутренней спецслужбы Германии, складывают из этих обрывков документ за документом.

Поэтому огонь надежней. Мы жгли документы по старинке: в бочке из-под бензина. Там секреты обращались в пепел. Там секреты обращались в дым, который поднимался в небо над красивейшим городом в Европе, издавна имевшим славу как «столица шпионов».

Посвящаю эту книгу тем, кто и сейчас, быть может, попав в неконтролируемую ситуацию, уничтожает секреты, чтобы не достались врагу. Кто выполняет свой долг далеко от Родины.

...Когда последний лист из серой коленкоровой папки вспыхнул, выбросив лепесток огня, пошел дождь. В этом городе после обеда всегда идут дожди.

Часть 1. СМЕРТЬ ЗНАЕТ ВАШИ АДРЕСА

1. Поцелуй Евы

Звезды сидели в небе кучно, как пробоины в мишени. И – ни облачка. Ни единой дождейки из предсказанного «ветродуями» из метеослужбы дождя, в расчете на который Першилин накинул потертую летную кожанку, собираясь в город.

Куртка его и выдала.

– Уступите место русскому, мазины! Руди, быстро винтовку и десять зарядов. За мой счет. Прошу... товарищ!

Першилин огляделся со слабой надеждой. Да нет, обращались к нему. Он был один такой под навесом открытого на три стороны тира. В летной кожаной куртке. С укрощенным уставной стрижкой до зачаточного состояния русым чубчиком. А джинсы и футболка – слабенький камуфляж. Короче, «товарищ»: русских летчиков в городе узнают навскидку.

Зато сам городок, уютно провинциальный, даром что затесался в центр Европы, сегодня было не узнать. Едва ли не все народонаселение выплеснулось на главную площадь, обычно повергавшую в уныние очумелой воркотней жирных голубей. А сейчас не только голубю ступить – яблоку упасть негде. Веселились с размахом, дабы память жила до Рождества, когда в город Охотничья Деревня у Края Луга снова придет со своими аттракционами он: ба-ла-ган!

И площадь отпустила тормоза. Мчалась в электромобильчиках, сшибала кегли, обмирала в объятиях косматой обезьяны из пещеры ужасов, узнавала будущее у электронных гадалок. К молчаливому негодованию кирпичи, с визгом взмывала на гигантских качелях, и юбки флагами развевались над крышей магистрата.

Притомившись, не нужно думать, куда направить стопы. На решетках жаровен шкворчали колбасы, румянились шашлыки по-разбойничьи, сочились кровью татарские бифштексы. В простроченных разноцветными гирляндами сумерках нежно белели столбики пены над пивными бокалами тонкого стекла. И вскипал, подобный колдовскому зелью (на площади некогда сжигали ведьм), вскипал и звал на подвиги ароматный глинтвейн.

Завтра понедельник, и площадь строго подождется в колючем корсете средневековой готики, а нынче вечером пыль веков стоит столбом. Самая короткая ночь в году сгорает в пламени пунша и бенгальских огней, готовая каждому подарить хмельной поцелуй. И многим уже подарила в этой компании подростков, которые по знаку своего вожака нехотя разомкнулись перед Костей Першилиным, пропуская к стойке тира.

Он еще мог развернуться и пропасть в кипении площади. Отшутиться, используя сносное знание языка: «Нынче у нас оборонительная доктрина, первыми не стреляем». Ну, посвистали бы уходящему в кожаную спину. Приснула бы в кулачок та белобрысая, единственная похожая на девушку в этой словно бы бесполой банде, наряженной в черное и звенящей цепями. Блондинку обнимал парень в залатанной рубахе, как раз и предложивший Косте пострелять.

Уверенный в себе тип, и губа у него не дура. Першилина, кстати, не обманули его заплататы. Каждая из заплаток на рубахе полновесно оплачена в модном магазинчике на Торговой улице, куда Косте с его капитанской получкой лучше не соваться.

Эдакий молодой хозяин жизни, и подружку свою обнимает по-хозяйски, пижон.

– Жениться – так на королеве! – сказал Першилин и раздвинул локтями зарубежное подрастающее поколение: – А выбить приз – так главный.

На полке выигрышей среди масок, пивных кружек, клыков вампира он приметил куклу с подсиненными волосами. Желаете получить – расколоти десяток надетых на стержни фар-

форовых трубочек. Шансы были. Однажды старый Сильвестр открыл Косте секрет, куда нужно целить, чтобы «гасить» эти лишь на первый взгляд хрупкие свечки одним выстрелом.

– Вижу птицу по полету, – сказал хозяин тира Руди с некоторым беспокойством, придвигая Першилину пневматическую винтовку: – Дон, ты, кажется, пригласил снайпера!

Десять перетянутых в талии пулек «Диаболо», как десять свинцовых рюмочек, одну за другой выставил Руди на отполированный локтями прилавок. Дон – в залатанной рубаше – водрузил рядом свою блондинку.

Круглые ее коленки оставили Костю равнодушным. Нашли чем завлечь «чернобыльца»! Зато глаза!.. В их голубизне он утонул, пропал с головой, а когда вынырнул – мир был совсем иным. Минуту назад капитан Першилин твердо намеревался у стойки тира защитить честь родной Группы войск и Вооруженных сил в целом. С духовым ружьем. Рыцарь в кожаной куртке...

Теперь Костя решил просто пострелять. Ведь глаза девушки улыбались и, казалось, говорили ему: «Будь проще. Подними забрало. Веселись вместе с нами...» И он забыл про Руди, Дона, банду в черном.

Хлоп! Выстрел прозвучал негромко, но туго хлестнули осколки фарфора, сшибая лепестки бумажных цветов.

Девушка захлопала в ладоши. Дон закурил сигарету. Першилин загнал в ствол вторую пульку. Прорезь прицела – шпенок мушки – белая трубочка. Костя представил себя на боевом курсе, атакующим многотрубный крейсер. По морским целям пока огонь вести не случалось, а по наземным будет стрелять завтра. Зачесть сольное выступление в тире за тренировку!..

Воображаемый крейсер посылал «SOS». Над разоренной палубой торчала всего одна труба, последняя. Сигнал бедствия читался и на лице Руди. До сих пор Першилин не промахнулся ни разу – стрелялось в охотку, без напряжения.

Он задержал дыхание, наколол белую «свечку» на мушку винтовки. Заветная точка прицеливания – левее центра, на два пальца выше основания. Затаила дыхание и блондинка, быть может, догадываясь, кому Костя подарит куклу, если...

Першилин плавно потянул спуск. Струйка табачного дыма, попав в глаза, сбила прицел, и пуля стукнула в доску. Костя с укоризной посмотрел на девушку. Он-то «забрало» поднял, а ее дружок...

Дон загасил о стойку сигарету:

– Сорвал... товарищ. Будешь стрелять еще?

– Нет.

– Как угодно. Тогда продолжу я. Руди, твоя куколка приглянулась моей малышке. Стрельба не кончена.

Дон стрелял картинно, без упора. Он мог себе это позволить. У него в запасе было десять выстрелов.

– Иван, – позвала девушка, спрыгивая со стойки. При этом юбка задралась. Совершенно возмутительная юбка...

– Угу, – отозвался Першилин. – На всякий случай: меня зовут Костя.

– Подожди, Иван, – упрямо повторила она. – У тебя царапина на щеке.

Костя вспомнил: после одного из выстрелов и точно залепило осколком от разбитой трубочки. Блондинка достала бумажную салфетку и флакончик духов:

– Мне жаль, что так вышло. Дон – настоящая свинья.

Девушка была на полголовы выше Кости, но – странно – его впервые не смущал свой небольшой рост. Щеку приятно обожгло духами.

– А поцеловать? – набрался Костя смелости.

Она поцеловала его в другую щеку и вручила вторую салфетку:

– Убери помаду. Ваши жены очень ревнивые.

– Я холостяк.

– Тогда девушка...

– И девушки у меня тоже нет, – сказал Першилин, на секунду задумавшись: «А Галка?»

– Почему? – спросила блондинка, но Дон как раз доколотил фарфоровую свечку, избавив Костю от необходимости отвечать.

Хозяин тира достал с полки куклу. Компания подростков зазвенела цепями и цепочками:

– Красавица... Еве повезло... А платье... И даже трусы. Сиреневые...

«Ее зовут Ева», – подумал Костя и грохнул на стойку тира пригоршню монет:

– Получи, Руди. За чужой счет гулять не приучен. – Руди смахнул деньги в карман кожаного фартука:

– Классно стреляешь, парень. Знавал я одного снайпера... Здешний начальник полиции. Куда он запропастился? В прежние годы всегда заглянет, поздоровается... Не слышал, что с ним?

Першилин пожал плечами: не стал выдавать Сильвестра.

От города до КПП военного городка – тысяча сто тринадцать шагов, вымеренных нетвердыми ногами тех, кто не устоял от последнего соблазна па финишной прямой. Заведение с экзотическим названием «Зеленый какаду» и сейчас было открыто. Сквозь заплетенную выюном решетку веранды, где кипело веселье, Костя углядел загорелую лысину Сильвестра, но... Но утром полеты на боевое применение.

В лучших традициях положительного героя Першилин мужественно избрал прямой путь. Его обогнали два подростка на мопеде-трещотке, а навстречу попался старик с прыгающей птичьей походкой. Под мышкой у него был свернутый зонтик. Не один Костя готовился к дождю.

А дождь так и не собрался – прошел стороной. Может быть, не только дождь. Костя вспомнил взгляд блондинки.

От Евы берут начало все злоключения Адама, но и людской род тоже.

2. «Когда ты врал: тогда или теперь?»

С боем часов наступило просветление. Петер увидел себя как бы со стороны – целящимся в Луну из бутылки шампанского, и ему стало неловко. Вот шампанское и было лишним! Шампанское в одном бокале с пивом требует к себе аккуратного отношения. Не случайно она божественная смесь подается к столу лишь на Рождество, когда человек благостен и умерен. Но именно тостом за национальное возрождение началась сегодня пирушка. Причем здоровье нации и здоровье самого Петера провозглашались одновременно: «За наш красивый и умный народ! За талант и мужество господина Дембински!»

Петер знал цену льстецам. Впрочем, раз в году могли же земляки сказать правду? А шампанское-то хлещет из бутылки...

– Позвольте, господин Дембински, – вывернулся из-под локтя единственный, но всюду успевающий официант «Зеленого какаду». – До Луны слишком большая дистанция, а то бы вы обязательно попали. Зато я не промахнусь, наполняя ваш бокал.

– Нет, я хочу сам, – закапризничал Петер, нежно прижимая бутылку к груди.

– Брось, сынок, – сказал директор гимназии. Его грозные усы, жесткие, как кабанья щетина, обмякли от пива и абрикосовой водки. – Свое задание ты выполнил на полные двенадцать баллов! Разреши нам за тобой поухаживать. Все помнят, я первый сказал: либо Петер будет повешен, либо станет большим человеком!

Подставляя бокал, Петер покрутил головой и на всякий случай ослабил узел галстука. Над серебряным горлышком пыхнул сизый дымок. Черт возьми, вину тоже тесно в запечатанной бутылке!

Повод для галстука и шампанского был достаточный: на российском военном аэродроме, что сорок пять лет после Второй мировой войны мирно соседствовал с городом Охотничья Деревня у Края Луга, отменили полеты. Ну, не совсем, конечно. Точнее говоря, ограничили. В общем, запрет касался выходных дней и церковных праздников, но все равно об этом решении командующего Группой российских войск сообщили все национальные газеты. А «Завтрашний день» в редакционном комментарии не преминул подчеркнуть заслуги своего постоянного корреспондента Петера Дембински в этом историческом завоевании: «Его острое перо срывает покровы, которыми командование окутало опасную деятельность военного объекта».

На самом деле Петер давно отвык от пера: не мог он позволить себе подобной роскоши. Быстрей, быстрей... и его пальцы, нередко дрожащие с похмелья, знобким ветерком пробегали по клавишам компьютера, повергая сограждан в трепет жуткими подробностями. От избыточных децибел аэродрома, а вовсе не от избытка местного дешевого вина дети рождаются дебилами... Молоко сквашивается прямо в коровьем вымени, когда над буренками пролетают боевые вертолеты... Ну, и экология – ее легко пристегнуть к чему угодно...

Принтер «Энтерпрайза» трещал бойко и допек-таки советское командование.

– За тебя, Петер!.. Чокнись со мной... Выпей с нами! – со всех сторон к нему тянулись бокалы, рюмки, кружки, и летний ветерок, шурша в плюще и виноградных листьях, тоже пел дифирамбы журналисту.

Лишь одного голоса не было слышно в общем хоре. Самые горячие поклонники Петера уже поглядывали в угол веранды. Там под пальмой в кадке стоял круглый столик, на нем – шахматная доска с расставленными фигурами, за ней Сильвестр. Свои победы и поражения он отмечал одинаково – добрым глотком пива. Очень удобно. Ведь его поражения одновременно его же победы, потому что Сильвестр зачастую играет сам с собой. Уже давно. С тех самых пор, как его вышибли из полиции за симпатию к русским «товарищам». Теперь устроился слесарем-газовщиком в их гарнизоне. Посмотрим, надолго ли.

Луна качалась над макушкой Петера – видно, зацепил нечаянно рукой. Он чувствовал себя большим и сильным, почти всемогущим, и черт дернул его за язык. Петер поправил галстук и попросил тишины:

– Пока моя рука держит перо...

– ...и пивную кружку, – эхом донеслось из затененного пальмой угла.

– ...я буду выступать против безрассудных полетов и вообще русского присутствия в окрестностях нашего славного города.

– ...как раньше клялся в любви к русским и благодарил в газете за помощь магистрату. Когда ты врал: тогда или теперь?

Понятно, это был Сильвестр, которому бы двигать пешки и скромно помалкивать. Он же, напротив, продолжал выступать из своего угла:

– Вспомни, Петер, одну рождественскую ночь. Я уже молчу, что без меня ты бы не прошел на аэродром... Но разве не ты сказал: «Сейчас взойшла звезда моей удачи»?

Подполковник полиции не зря брал призы за стрельбу. Знал, где уязвимое место, и не промахнулся. Рука Петера, коей до победного полагалось держать символическое перо, дрогнула вместе с сердцем, и шампанское расплескалось по грязноватой скатерти. Какой журналист забудет свой первый большой репортаж, перепечатанный из местной газетенки сразу несколькими общенациональными? В репортаже было все, что требуется для хорошего рождественского рассказа. И, самое поразительное, все было правдой: небывалый снегопад и непроходимые заносы на дорогах, отрезавшие Охотничью Деревню от всего мира. И еще была молодая женщина по имени Мария, некстати задумавшая родить, когда в единственной клинике пропало электричество и вода замерзла в трубах.

Русские по неистребимой привычке геройствовать отличились и на этот раз! Петер никогда бы не поверил, что можно взлететь в столь злую непогоду, не будь сам на аэродроме. И сегодня... Сколько лет прошло? Восемнадцать? Больше? И сегодня перед глазами Петера как наяву тот вертолет, зависший над взлетной полосой. Воздух был нашпигован снегом, как охотничья колбаска салом, лампочки на концах лопастей очертили круг, который смахивал на нимб над головами святых, и заголовок репортажа родился мигом: «Советские пилоты в роли Божественного провидения».

«Божественное» осмотрительные редакторы из текста выкинули. Тогда ко всему божественному относились с оглядкой и подозрением. Другие были времена. Совсем другие, и вспоминать о них...

– Это провокация, господа! – сказал Петер, икнув, и рухнул на стул, не выпуская из рук бокала.

Последующее происходило без его участия. Террасу «Зеленого какаду» Петер и Сильвестр покинули одновременно, только по-разному. Журналиста довели до дома, двухэтажного коттеджа на улице Бабочек, и с бережением уложили на кушетку в саду, чтобы герой дня не попал жене под горячую руку.

Бывшего начальника полиции молодежь проводила, кажется, плевками вслед, на ступеньках крыльца кто-то дал подножку. В кабачке было немало тех, кому подполковник полиции Сильвестр Фельд насолил в свое время.

«Каждому свое, – думал Петер, поудобнее устраиваясь на плетеном ложе, хорошо знакомом по прежним загулам, – кто скажет мудрее? Так было и, наверное, будет. Вдруг земной путь людей и впрямь определяют звезды?»

Звезды были далеко, и Петер не услышал их ответа. Вместо этого в глубине сада прозвучали шаги и сухой отрывистый щелчок, знакомый каждому, кто хоть раз переламывал затвор двустолки.

3. Ультиматум

Вороненая сталь стволов стала теплой у его щеки. Будто не было у начальника отдела военной контрразведки Группы российских войск полковника Ржанкова других забот, как сидеть на засидке в обнимку с ружьем, подкарауливая кабана. Но отказать в просьбе Вадиму Бокаю, единственной просьбе за много лет их дружбы, Геннадий Николаевич, естественно, не мог. Он помнил, благодаря кому не сиротой растет единственная дочь.

Ксюша и подняла трубку, когда после семейного воскресного обеда в квартире Ржанковых длинно зашелся трелью полевой телефон. Съездив на первую смену в молодежный лагерь Группы войск, Ксения обзавелась поклонниками в других гарнизонах Группы. Названивали мальчишки, и Геннадий Николаевич невольно грустнел, слыша в мембране их звонко-ломающийся голоса. Поэтому Ксения спешила предупредить отца у аппарата: все понимала, все угадывала, чертовка.

С Героем Советского Союза гвардии подполковником Бокаем, которого она называла «дядя Вадик», у Ксении тоже были свои отношения. Она не сразу передала Ржанкову трубку. Судя по невозмутимому выражению лица – а глаза-то блестящие, выдают, – Ксюша о чем-то договорилась с «дядей Вадиком».

У Ржанкова подполковник Бокай просил совета чуть не официально. Суть дела изложил по-военному коротко: местный охотничий клуб «Нимрод» приглашает несколько человек из вертолетного полка на отстрел кабанов. Прошедшая зима была теплой, расплодившееся поголовье диких свиней разоряло теперь поля кукурузы.

– По старой памяти подскажите, что делать? – басил в трубку Бокай. – В помощи местному населению мы никогда не отказываем. Это у вертолетчиков традиция железная, небось помните по Афгану. С другой стороны, вы знаете обстановку, шумиху вокруг нашего аэродрома. Ходим, озираясь, даже летаем, можно сказать, на цыпочках. А с этим отстрелом, того и гляди, встрянешь в международный конфликт.

– Или, напротив, разрядишь обстановку, – подумал вслух Ржанков. – Не сидеть же вам все время за забором, в четырех стенах.

– Ловлю на слове, – искренне обрадовался Бокай. – Вам тоже не грех проветриться. Со спортивного праздника к нам в гарнизон автобус идет. Я старшему машины еще утром наказал, чтобы без вас не возвращался.

Ржанков прикинул: час до Охотничьей Деревни, столько же назад да несколько часов в лесу. А Бокай продолжал искушать:

– Лесной воздух, жареная печенка... Да и главное, Геннадий Николаевич, мне как командиру полка будет куда спокойнее, если вы приедете. Иначе всю охоту побоку, а ребята уже настроились...

– Вадим, ты просто шантажист.

– Нет, дипломат, Геннадий Николаевич, – скромно ответил Бокай, – ваш ученик, кстати.

– Жди. Буду, – сдался Ржанков. Ксюша, проявив подозрительную старательность, волокла в прихожую зачехленное ружье и камуфлированную полевую форму полковника.

...А кабаны то ли приснились местным егерям, то ли пронюхали, что на самой добычливой засидке ждет встречи с ними начальник отдела военной контрразведки, и поэтому решили не искушать судьбу. Вышка Ржанкова стояла у кромки леса на границе поля. За спиной он слышал шорох листьев, осыпающихся раньше срока от великой суши этого лета, и вроде бы дробный топот копыт по затвердевшим тропинкам. Однако на открытое место кабаны не выходили. Геннадий Николаевич потерял надежду на выстрел.

Потерял и не слишком огорчился по этому поводу. Наградой за долготерпение был ему головокружительный чистый воздух и поднявшийся к ночи ветерок, который отдувал комари-

ную рать. Камуфлированная полевая форма Ржанкова сливалась с пятнами света и теней под навесом засидки, он ощущал себя частицей леса, и поля, и лунного света. В свою очередь, они согласно приняли его заботы и печали, растворили, развеяли, зашептали в шорохе опавшей листвы.

Ржанков разрядил и отставил ружье к перильцам: туман заволакивал сектор обстрела. Все, конец забаве. Судя по непорухенной тишине, богиня охоты Артемида никому не улыбнулась сегодня ночью.

Геннадий Николаевич размял кости, уже не боясь потревожить скрипучие доски засидки. В тумане прорезались желтые пятна фар и гул мотора командирского «уазика». Бокай вместе с егерем объезжали вышки, снимая стрелков.

Ржанков огляделся последний раз. Посеребренное туманом поле казалось схваченным инеем. В лесу лунный свет проредил кроны деревьев, можно было разглядеть каждый лист в отдельности. По разошедшей лесенке Геннадий Николаевич спускался с вышки. С каждой ступенькой крепла уверенность, что испытанное на засидке ощущение покоя вернется не скоро.

Предчувствие не обмануло. В кабине «уазика» Бокай сразу протянул Ржанкову плотный коричневый конверт с окошечком, затянутым папиросной бумагой. В таких здесь разносят телеграммы.

– Подбросили на КПП полка, – глубоко затянулся Бокай сигаретой. – Дежурный поднял переводчика и сразу отрядил за мной машину. Вот фонарик, посвечу. Ржанков неплохо знал язык страны пребывания. В окошке конверта прочитал перевёрнутую фамилию Бокай и его должность, тоже переименованную автором «или авторами», тут же профессионально поправил себя Геннадий Николаевич на свой манер: «Русскому начальнику гарнизона оккупационных войск». А еще за прозрачной калькой четко просматривалось название сего послания: «Последнее предупреждение». Уазик нырял по ухабам – хотя и европейская, дорога была все же лесной.

– Вот и поохотились, – сказал Бокай. – Не нравится мне все это.

– Похоже на ультиматум, – согласился Ржанков.

– Пошли-пошли! – обернулся егерь с переднего сиденья.

Дорогу перебежали кабаны, с треском торпедируя кукурузное поле, много, целый выводок. Ржанков запомнил угрожающий разворот секача в сторону машины, блеск его клыков.

4. Немые тревоги

Все было точно в дурном сне или ставшем явью фильме ужасов: распахнутое порывом ветра окно, белый саван занавесок в предрассветных сумерках, беззвучно кричащий на тумбочке телефон. Да, аппарат, обозначенный цифрой «1» на схеме связи объекта, а попросту – одноэтажного коттеджа командующего, не имел голоса. Заменить звуковой сигнал световым – мигающей лампочкой – распорядился еще прежний хозяин особняка. Предшественник Анатолия Митрофановича Фокина на посту командующего Группой советских войск не любил резких звонков среди ночи. Как, впрочем, и резких людей, и острые споры. Вот и отбыл благополучно, позвякивая медалями за боевое содружество, посверкивая на парадном мундире орденами страны пребывания. Теперь времена другие, и генерал-полковнику Фокину все чаще доставалось другое: всполохи лампочки срочного вызова. И он уже привык к беззвучным побудкам, к постоянным немым тревогам.

Анатолий Митрофанович засыпал всегда на правом боку – навык, который выработали в суворовском училище. Чтобы снять с рычагов трубку, Фокину нужно было протянуть левую руку, она же плохо слушалась. Лежала поверх одеяла тяжелой сомлевшей рыбиной. Зато моментально отзывалось на каждое движение сердце, будто сторож поселился в груди, и Анатолий Митрофанович притуплял эту обременительную бдительность таблетками и каплями.

Сегодня «сторож» уgomонился лишь под утро, когда Фокин принял снотворное. Теперь сложно выпутаться из обволакивающих пут. И даже поднять телефонную трубку.

Неоновый огонек настойчиво вспыхивал в сумерках спальни. Сквозь полудрему, через полусомкнутые веки Анатолий Митрофанович вдруг различил серые воды северного залива, спичечные коробки боевых машин пехоты среди волн. Впервые после Хельсинки, после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, на крупные войсковые маневры были приглашены иностранные военные наблюдатели, и полк Фокина демонстрировал мощь техники и выучку солдат. Через залив на БМП, где вы видели подобное, господа?

Сами боевые машины пехоты тоже были в известной степени невидалью. Внешне похожие на легкие танки тридцатых годов, они поражали скоростью и нешуточной огневой мощью. Правда, на Севере бээмпэшки не «пошли», то и дело пропарывая брюхо на кремнистых склонах сопок. Но и дураку было ясно, что новая техника предназначена для европейского театра военных действий. Там дороги отменные, а реки не послужат преградой. Глядите, господа, в свои бинокли, запоминайте.

Что-что, а пыль в глаза пускать умели. Но тогда чуть было не вышла неувязка. Вместо пыли в лицо, да не натовцам, а картинно стоящему в открытом люке полковнику Фокину, врезал снежный заряд. Северное лето явно подыгрывало на стороне «синих». Берег задернула пелена, волноотбойные щитки БМП едва справлялись с задачей, и холодная вода заливала смотровые приборы.

Успех атаки, дерзко задуманного удара во фланг «синих», а вместе с тем, чего греха таить, удачная карьера Анатолия Митрофановича – все повисло на волоске. И если бы Фокин не заметил в снежной пелене вспышки маяка...

Спасибо тому огоньку! О каких рифах и отмелях предупреждают теперь с утра пораньше вспышки сигнального устройства телефона? Неоновый огонек на срезе аппарата погас, едва Фокин поднял трубку.

– Слушаю! – сказал Анатолий Митрофанович в мембрану резким и хриплым со сна (или от бессонницы?) голосом.

На проводе был оперативный дежурный:

– Здравия желаю, товарищ командующий!

– Надеюсь, подполковник, вы не только для этого подняли меня чуть свет? – поинтересовался Фокин. – Что стряслось?

– Ничего, товарищ командующий. Просто звонил полковник Ржанков и просил обязательно сообщить, что отбыл к вам.

Анатолий Митрофанович поднялся с постели. Лишь вчера они виделись с Ржанковым на стадионе. Под звуки фанфар начавшегося спортивного праздника мирно поговорили о дочери Ржанкова, перешедшей в одиннадцатый класс, и внучке Фокина, тоже вполне взрослой барышне, которую Анатолий Митрофанович со дня на день ждал в гости.

Что же такое чрезвычайное, относящееся к компетенции начальника военной контрразведки, могло произойти этой ночью в Группе войск? И почему Ржанков не обратился лично, а вышел на командующего через дежурного?

– Полковник Ржанков позвонил в четверть пятого, – угадал мысли Анатолия Митрофановича оперативный дежурный, – из вертолетного полка, ну, того самого, что рядом с городом...

– Охотничья Деревня у Края Луга, – с уверенностью произнес Фокин. Название этого чертового городка засело в памяти занозой. Занозой, напоминающей о себе внезапно, как вышло и сейчас.

– Так точно. По автостраде оттуда езды около часа, вот я и прикинул...

– ...что командующий может еще малость «придавить», – усмехнулся Фокин. Теперь, когда неожиданность, поднявшая его на ноги, обрела конкретный адрес, настроение несколько прояснилось. Тягостнее не знать, откуда ждать очередной подвох. Хотя должность командующего войсками Группы такова, что шишки могут сыпаться со всех сторон. К сожалению, и раздаются они им, командующим, тоже без должной экономии.

Цепная реакция? Наверное, сказывается и это, но нередко просто сдают нервы, не всегда сдержанные уздой опыта и служебной этики. Так было и в недавнем разговоре с капитаном, чью фамилию Анатолий Митрофанович теперь уже и не помнил. Ему отрекомендовали капитана как одного из лучших пилотов в авиации Группы войск. Каковы же тогда другие, если и лучший не привык к дисциплине? Не желает, видите ли, быть извозчиком...

– Я распоряжусь насчет машины? – напомнил о себе оперативный дежурный.

– Да, пожалуйста, – сказал Анатолий Митрофанович, опустил трубку на рычаги, и сигнальный маячок снова вспыхнул тревожным огнем. Телефонистка ли заснула на коммутаторе и не выдернула штекер, или бродили в электрических цепях остаточные либо наведенные токи – этого Фокин не знал. Но ему вдруг представилось, что это бьется пульс самой Группы войск.

Сердце могучего боевого организма, к биению которого всегда прислушивались в Европе с должным почтением, пока не дает сбоев. Броня танков, стволы орудий, плоскости сверхзвуковых истребителей еще прикрывают Родину на дальних подступах, впереди пограничных застав. Но уже змеятся по щиту трещинки.

Змеятся хвостами воинских эшелонов, уходящих на восток по воле, а точнее, недоумию, если не прямому предательству чертовых политиков. Чтоб у них выросло кое-что на лбу! Впрочем, одного черт уже пометил и с нетерпением дожидается, готовя славную сковородку!

...Бьется сердце, стучит пульс, а приговор уже подписан. Имущество Группы пойдет по ветру и с молотка, но законным владельцам мало что достанется для обустройства на новом месте. Победитель не получает ничего.

Последняя вспышка лампочки бросила блик на стекла очков, забытых на тумбочке. Анатолия Митрофановича заморозили сиреневые огоньки в стеклянной глубине линз. Несколько счастливых, теперь безмерно далеких, лет Фокин служил в Крыму и помнил тамошних крупных светляков. Девчонки, следуя местной моде, ловили светящихся жучков и запутывали

в густые кудри, кудри чернее ночи и с тем же ночным ароматом степных трав. Лихой командир разведроты расплетал косы, освобождая светляков, пока и сам не угодил в их плен.

Анатолий Митрофанович прислушался к шагам за стеной: по старой привычке Ольга поднималась вместе с ним, «добирая» недоспанное после ухода мужа. Понятно, сегодня ее шаги не навевали образ лесной козочки, но волосы были по-прежнему густыми, с запахом чабреца и полыни...

Зато от шевелюры Фокина скоро останется лишь воспоминание. Бреясь, он неодобрительно глядел на двойной подбородок, мешки под глазами. Неожиданно в зеркале проступил тощий капитан-вертолетчик с белобрысым чубчиком, вроде бы раз и навсегда укрошенным в пионерском лагере, где поют трубы, бьют барабаны и положено слушать старших.

Капитан не послушался. И теперь маячит перед глазами. Да не один. Из глубины лет и памяти шагнул и встал плечо в плечо с вертолетчиком другой капитан. Анатолий Митрофанович узнал в нем самого себя. Вероятно, и тот парень в выгоревшем добела маскхалате не сел бы за руль лимузина командующего, хоть озолоти. Не стал «извозчиком», по определению неуступчивого летуна, не пожелавшего возглавить экипаж вертолета-«салона».

И еще чем-то были схожи два капитана. Чем? Да молодостью, белозубой решительной молодостью, для которой нет преград. Может быть, затем и вспыхнул па срезе телефонного аппарата нечаянный огонек, чтобы напомнить об этом?

Но нет. По телефону поступил реальный вызов, сулящий, скорее всего, неприятности, ибо чего иного можно ждать от аэродрома под городом со смешным названием.

Фокин подумал о предстоящем сегодня еженедельном докладе министру обороны и нахмурился. Все – крик телефона в неурочный час, и неурочные, несерьезные воспоминания о светлячках, и навязший в зубах аэродром – все как-то связалось с малорослым тощим капитаном, его дерзкими голубыми глазами и голубыми петлицами.

5. Пепел Чернобыля

Жизнь полна тайн. Одна из самых главных эта: почему одной женщине довольно мимоходом обронить слово, бросить нечаянный взгляд, и ее не забудешь никогда; а другая – и красивая, и остроумная, но... Тайна сия велика есть, и натошак Першилин разгадать ее не тщился. Просто поставил задачу на будущее, углядев в проходе между столами Галину. Она катила тележку с тарелками, и головы летно-подъемного состава поворачивались вслед за старшей официанткой, как за солнцем подсолнухи.

Походка кинозвезды, точеная фигурка, тонкие черты всегда свежего лица – она знала себе цену. Злые языки утверждали, что Галя, работая до Группы войск в ресторане ленинградской гостиницы «Прибалтийская», знала себе точную цену в конвертируемой валюте. Гарнизонные кумушки донесли эти сведения до ушей Першилина – потенциальной жертвы нагулявшейся интердевочки.

Галина издали прицельно улыбнулась, вроде бы подтверждая слухи. Ее улыбка была предназначена Косте, только ему. Сегодня Першилин вообще был центром внимания, едва успевая отвечать на вопросы.

– И ногами на тебя не топал? – допрашивали соседи по столу о подробностях встречи с командующим Группой войск.

– Ногами топать ему было не с руки: в кресле сидел. Он сидел, а я, между прочим, стоял.

– Ишь, гордый, не понравилось. Скажи спасибо – отпустили с миром.

– Разве я напрашивался? А спасибо – за что? Что почти целую летнюю смену в приемной проторчал?

– Жалеть не будешь, Костя? На «салонах» служба, вестимо, не мед, но приглянись ты командующему...

– Не разговор, мужики. «Приглянись»... Что я, девушка? Отказался, и ладно.

– Вот и не ладно. Кадровики тебе не забудут.

– Я им тоже: постригли, как новобранца. А испугать меня нечем – трое по лавкам не сидят...

– Пока не сидят.

– И в обозримом будущем...

– Ой, Костя, не зарекайся! Это дело недолгое. Раз-два – и готово. Правда, Галочка?

– Не знаю, не пробовала... Гуляш, биточки по-киевски? Всем по-киевски? Но-но, руками не трогать!

– У меня жена в Питере уже третий месяц...

– Тем более, приедет скоро, мне глазоньки выцарапает. Как вот Косте. Костя, милый, кто тебя так приласкал?

Кровь прилила к щеке – не той, оцарапанной вчера острым осколком фарфора при стрельбе в тире, а другой. Евой поцелованной. Костя даже поперхнулся глотком кваса. Галя кулаком постучала по Костиной спине. В полную силу.

– Прошло?

– Угу, спасибо. Теперь вдобавок к царапине будут синяки.

– Подумаешь, – небрежно сверкнула Галя фирменной улыбкой. – Что такое лишний синяк для героя Чернобыля?

И повернулась на непостижимой высоты каблуках. Покатила дальше свою тележку, гибкой спиной выражая Косте свое «фи», но вместе с тем не лишая надежды на прощение в будущем. Каким образом ей это удавалось?

– Не теряйся, командир, – шепнул «правак» в экипаже Першилина летчик-штурман Женя Мельников. И за столом в столовой он тоже сидел по правую от Кости руку. – Така-а-я женщина встречается раз в жизни.

Костя предпочел не развивать тему. Налег на биточки, не поднимая больше глаз от тарелки. Но, как бы ни хотел, в поле зрения всегда оставалась расписная стена с чертовым реактором.

Это была целая история. Некогда, еще до Першилина, в полку транспортно-боевых вертолетов нес солдатскую службу выпускник художественного училища. Его неленивой кисти были обязаны все ленинские комнаты в казармах одинаковыми Кремлями с Красной площадью. А стену в столовой для возбуждения патриотизма и аппетита украсило хлебное поле. Даже в обрамлении березок оно смотрелось несколько уныло и пустовато, и художник допустил вольность.

Те, кто видел изображенную за краем поля церквушку с васильковым куполом и невестомым, словно паутинка бабьего лета, золотым крестом, утверждали: помимо воли и логики возникало желание заглянуть в сельский храм, может быть, даже свечку поставить святым, чьи имена забыты напрочь... Замполит обвинил художника в незнании жизни. Где, спрашивается, видел он подобное?

Замполит был прав не только по должности. Конечно, если и пережила какая сельская церквушка Гражданскую войну и коллективизацию, то использовалась в лучшем случае под склад. Да художник и не спорил, изобразив на месте церкви элеватор с красным флагом.

Во время еды элеватор маячил перед глазами Першилина, и кусок застревал в глотке. Это мрачное сооружение было очень похожим на четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС, чье прожорливое жерло тоннами поглощало свинец и песок, десятками тысяч – человеческие судьбы. Среди желторотиков, брошенных на реактор, был и лейтенант Першилин...

Завтрак, сдвинутый из-за полетов на два часа вперед, подходил к концу. Вилки и ножи редко позвякивали в пустеющем зале, а за своим столом Першилин был последним. Галя подошла из-за спины, присела на свободный стул «правака». Кружевная наколка в темных волосах, кружевной фартучек не больше носового платка, пышная грудь в щедром вырезе кофточки. Да, с таким «штурманом» можно, пожалуй, далеко залететь. Голос Гали был между тем усталым:

– Ты так и не пришел...

– Когда? – спросил Костя и разом вспомнил: точно, пару дней назад он обещал заглянуть к девочкам в общежитие, наладить телевизор.

– Вчера. Сегодня. Когда-нибудь.

– Галчонок, извини меня, подлеца, все из головы вылетело со смотринами у командующего.

– А почему тебя хотят назначить?

Костя пожал плечами. На «салоны» обычно шли пилоты в возрасте, каким и был прежний командир экипажа майор Асютин. Полученная им на капитанской должности майорская звезда свидетельствовала о добрых отношениях с командующим. Такого же покладистого сорокалетнего капитана искали, но, видимо, не нашли кадровики. Начавшийся вывод войск Группы, да и метелка увольнений прошли по авиации, подбирая всех, кто выслужил сроки, не годился по здоровью. Капитану Першилину не стукнуло и тридцати, но уже был у него и 1-й класс, и набранный за Полярным кругом опыт полетов в «сложняке».

– Наверное, понравился, – пошутил Костя.

– Да, – кивнула Галина. – Чувствую, кому-то ты понравился. Без шуток. Но я не ревнивая. Приходи, когда выберешь время. Посидим.

– Обязательно, – встал Костя из-за стола. – Я Марине обещал телик наладить.

– Вот видишь. – Галина тоже поднялась.

Костя видел – да, видел! – пышную белую грудь. Но – боковым зрением – и реактор на стене столовой.

– До вечера? – спросила она.

– До вечера еще надо дожить, – сказал Першилин без задней мысли. – За биточки передай поварихам спасибо.

– Обязательно, – грустновато улыбнулась Галка. – Передам. Большое русское мерси.

Костя не успел перекурить – автобус стоял «под парами», постреливая сизым выхлопным дымком. Подхватывая одинаковые брезентовые портфели, летчики занимали места, незлобиво толкались в дверях, а в окнах «пазика» горел уже первый луч рассвета. Солнце всходило над городком и аэродромом, все это Першилин видел тысячу раз, но и в тысячу первый сердце екнуло в груди радостно и тревожно, тревожно и радостно, как всегда бывало перед полетами.

По дороге на аэродром о ночном происшествии в гарнизоне вспомнили не в первую очередь. Содержание подброшенного на КПП письма было известно лишь командиру да переводчику, но догадаться нетрудно: очередная петиция какого-нибудь Движения за сохранность пыльцы на крыльях бабочек или экологического общества бойскаутов-евангелистов. Першилин вспомнил вчерашних подростков и девушку по имени Ева. Что он знает о них? По какому праву может осуждать вполне объяснимое желание – не просыпаться до зари от гула вертолетов?

– Вообще все это не смешно, – оживленно говорил Женя Мельников. – Общеввропейский дом, общеввропейский дом... Что мы скажем, когда выставят из него под зад коленом? А, командир?

Костя глядел в окно. Автобус катился мимо стоянки вертолетов. Чехлы сползали с лопастей винтов как чулки. И Першилин неожиданно ответил любимой присказкой Галки:

– Что? Большое русское мерси.

6. Последнее предупреждение

Серый клин шестиполосной автострады упирался в краешек солнца и как бы выталкивал светило из-за горизонта. Мол, пошевеливайся, лежебока, довольно дрыхнуть, пора трудиться. Ржанков припомнил реплику журнала «Штерн» по адресу «оссис» – бывших восточных немцев: «Начинайте наконец работать, ленивые скоты!» – и отчего-то не порадовался рассвету. Восходящее над Европой солнце представилось Геннадию Николаевичу в образе всеильной германской марки.

Грядет «четвертый рейх»? Да нет, американцы не позволят. Они сами будут рулить оккупированной Германией.

Ржанков опустил солнцезащитный щиток перед лобовым стеклом: яркий свет резал глаза после бессонной ночи. В дороге он постановил себе вздремнуть, зная, что впереди долгий и трудный день. Вначале мешал тугой ветер, шумевший у локтя, – Бокай выделил Геннадию Николаевичу свой узик, у которого была снята верхняя половина дверцы. Потом отвлек занимавшийся рассвет. А теперь покемарить уже не было времени. Нырнув под виадук, узик покинул автостраду, где между «мерседесов» и «тойот» выглядел бедным родственником, и въехал на скромную рабочую дорогу. Здесь, среди пластмассовых «трабантов» – мыльниц, карманных «фиатов» и грузовиков с помятыми молочными бидонами в кузове – узик смотрелся своим парнем. Да и был им.

Был не только в прошедшем времени. Рабочие кварталы столицы и рабочие города, провинциальные сельскохозяйственные кооперативы не захлестнула с головой волна антисоветизма. Здесь помнили добро, а от будущего добра не ждали.

Городок же Охотничья Деревня у Края Луга был городом мелких хозяйств, вышедших на пенсию чиновников... Нет, Ржанков не спешил с выводами, просто отметил факт. И плотнее прижал локтем кожаную папку с подкинутым ультиматумом. Не исчезало ощущение, что держит под мышкой готовую вот-вот взорваться мину.

Поворот, еще один, брусчатка под колесами вместо асфальта, и в просветах чугунной ограды – белые строения штаба Группы. Шлагбаум поднялся перед капотом. Часовой отдал честь. Ржанков был в полевой форме. Переодеться? Нет – он посмотрел на часы, – время дорого. За оставшиеся до семи ноль-ноль тридцать пять минут полковник Ржанков обязан доложить обстановку, а генерал-полковник Фокин – принять решение.

Центральная аллея, затененная липами, поглотила Ржанкова в его пятнистой униформе. Через десять минут (осталось двадцать пять) он возник на пороге приемной командующего, и у сидевшего за столом подполковника Потанина поползли вверх брови. Офицер по особым поручениям при командующем Группой не верил, разумеется, в диверсантов, захватывающих штаб Группы, однако и Ржанкова узнал не сразу. Какие черти принесли начальника отдела военной контрразведки с утра пораньше, да еще в камуфлированной полевой форме?

Понедельник был вообще тяжелый день. День докладов командиров частей и соединений командующему. И день доклада самого командующего министру обороны о том, что было вчера и будет завтра здесь, в Группе, несущей службу в центре Европы, впереди пограничных застав своей страны.

Потанин вложил в стаканчик остро заточенные, как любит командующий, карандаши и сказал:

– Напугали, Геннадий Николаевич. Честное слово, напугали. Никак, думаю, рейнджер какой... Уж было приготовился приемную оборонять.

Полковник Ржанков, мягко ступая по паркету в ботинках с высокими берцами, посмотрел в окно, покачал головой и затем с видимым удовольствием устроился в глубоком кресле:

– Какие, к черту, рейнджеры в наше время? Придет срок, и вы, дорогой Алексей Викторович, сами по описи сдадите свой кабинет и эту приемную представителям форума... фронта... движения... Поглядим, что за партия выцарапается к власти.

Потанин оглядел приемную, обшитую светлым деревом, через приотворенную дверь бросил взгляд в кабинет командующего, обставленный солидно и основательно – на годы. Жаль будет оставлять обжитые стены. Ржанков прав: придет день и час...

В никелированном чайнике закипела вода.

– Вам с сахаром или без? – спросил Потанин, доставая из тумбочки чашки и банку кофе в гранулах.

Ржанков не успел ответить. Под окном туго прошуршали шины подъехавшего лимузина и отчетливо лязгнула дверца.

– Командующий, – вздохнул Потанин, запихивая кофейные чашки обратно. – Теперь до самого вечера круговерть без продыха.

Поднимаясь с кресла навстречу генерал-полковнику Фокину, Ржанков словно впервые увидел его. Так бывает: ночь, проведенная без сна, сообщает взгляду необыденную остроту. Геннадий Николаевич подметил мешки под глазами и микроскопические кровяные ниточки лопнувших сосудов, непробритые морщины на лице командующего. Фокин выглядел старше своих пятидесяти пяти, но высокая кряжистая его фигура была скроена с большим запасом прочности. Рубашка-безрукавка оставляла открытыми сильные руки, прямые плечи выглядели шире от простроченных золотым зигзагом погонов с тремя звездами в ряд.

Сейчас Ржанков протянет командующему коричневый конверт, хрустящий на сгибах, почти невесомый, и на плечи и на сердце командующего тяжелым камнем ляжет аэродром. Большой аэродром со всем сложным хозяйством, с вертолетными стоянками, двухэтажкой командно-диспетчерского пункта и метеополigonом. А еще – весь городок, выросший за многие десятилетия под боком аэродрома. ДОСы – дома офицерского состава – и казармы, офицерский клуб и детский садик. И самое главное – люди, чья жизнь становилась залогом в игре без правил.

Ладонь командующего была ухватистой и крепким – рукопожатие.

– Понимаю, что не порадуете, – сказал он Ржанкову, окидывая взглядом его измятую полевую форму. – Поэтому сразу – самое худшее.

Ржанков протянул конверт:

– Прочитайте. Оригинал у меня, это – перевод на русский.

Они вместе прошли в кабинет, командующий грузно опустился в крутящееся кресло и включил вентилятор.

«Последнее предупреждение русскому начальнику гарнизона.

После семи часов утра понедельника, как только один-единственный вертолет взлетит или сядет на аэродроме вблизи Охотничьей Деревни, мы будем мстить.

Безумные и непонятные полеты крадут спокойствие тысяч людей из недели в неделю, из года в год. Поэтому, если оставляете без внимания наши обращения, мы начнем террористические акции против русских. Мы знаем, как можно незаметно войти в ваши дома и казармы. Мы знаем, куда и как можно подложить подрывные и поджигательные приспособления, чтобы причинить наибольший вред человеческой жизни.

Нигде вы не будете чувствовать себя в безопасности. Смерть знает ваши адреса.

Организация фронта освобождения от русских оккупантов».

Генерал-полковник Фокин откинулся на спинку кресла и нажал клавишу селектора. Командующий воздушной армией генерал-майор авиации Максимов ответил сразу, будто ждал вызова. Да так оно, наверное, и было.

– Доброе утро, Анатолий Митрофанович, – прозвучал в динамике селектора бодрый голос.

– Для кого доброе... – буркнул Фокин, вспомнив, что свой день командующий авиацией начинает на теннисном корте. Зато и строен, и нет «подвесного бачка», каким обзавелся Анатолий Митрофанович. В комнате отдыха имелись тренажер, шведская стенка, но заниматься – душа не лежала. Оправданием были дела поважнее, всегда находившиеся с утра. Например, этот аэродром: – Вы, надеюсь, в курсе событий?

– У вертолетчиков? Да, командир полка сообщил.

– И что?

– По плану в полку полеты на боевое применение.

Для Ржанкова это не было новостью. Потому и торопился он успеть до семи. Вмонтированные в пульт селектора электронные часы выстреливали зеленые цифры: одну за другой. Командующий молчал.

– Есть приказ, – пояснил, угадав невысказанный вопрос, генерал Максимов, – полеты в полку не отменять.

– Чей и почему?

– Мой, товарищ командующий. Мы и так пошли навстречу общественности с церковными праздниками. Кто же знал, что их так много? Полетных дней почти не остается, а ведь пуски ракет на учении будут реальными!

– Да, именно так, – подтвердил Фокин и поднялся, подошел к рельефному макету полигона, на котором через три дня предстояло разыграть тактическое учение. Разработку Анатолий Митрофанович выполнил сам, «операторы» лишь подчистили и уточнили мелочи. Глядя на подкрашенные гипсовые холмы, размеченный передний край обороны дивизии, Фокин вдруг остро пожелал, чтобы учения начались прямо сейчас.

Всерьез думать об этом было просто смешно. Дата согласована с министром обороны, приглашены журналисты, военные атташе, аккредитованные в стране пребывания. На высоте «Круглая» для этой братии уже оборудуют смотровую площадку. Поблизости разыграется самый эффектный этап учения: во время танковой атаки «синих» из-за высоты должны появиться вертолеты и раздолбать бронированные машины, которые в противном случае ждал резак автогена.

– Насколько реально, – Фокин обернулся к Ржанкову и кивнул на письмо, – все это? Блеф или прямая угроза нашим людям?

Анатолий Митрофанович не хотел принимать всерьез бредни «фронта освобождения», иначе, чего доброго, пришлось бы менять план учения. Группа еще жива, и не к лицу смущаться подметными письмами! Блеф все это, детские игры.

Подтверждения своей мысли Фокин ждал от начальника отдела военной контрразведки.

– Блеф или реальность? – повторил вслед за командующим Ржанков. – Оба варианта нельзя исключать. Сейчас проинформирую здешнее министерство внутренних дел, пусть тоже думают. В управлении столичной полиции создана группа по борьбе с терроризмом. Будем работать вместе.

– Они согласятся? – спросил Фокин.

– Терроризм, контрабанда, наркобизнес, – пояснил Ржанков, – остались точками соприкосновения. Раскрывая связанные с ними преступления, сотрудничаем тесно. Так я приступаю?

– С богом! – Фокин кивнул утвердительно.

Ржанков взял со стола коричневый конверт. На табло электронных часов три цифры выстроились в ряд: «6.55». Из динамика громкоговорящей связи прозвучал голос слышавшего весь разговор генерал-майора авиации Максимова:

– Товарищ командующий! Докладывают из вертолетного полка: разведчик погоды просит добро на запуск двигателей.

У дверей Ржанкова остановила просьба Фокина:

– Нежелательно, чтобы эта история попала в прессу.

7. Курок взведен

Треск сухой ветки или щелчок взведенного курка? Вчера эта мысль была последней, с нею же Петер Дембински продрал глаза и обнаружил себя распростертым на кушетке посреди сада. Откуда-то из темной его глубины, подбеленной и прослоенной туманом, долетел ночью характерный звук. Что это было?

Кушетка стояла под мертвым платаном. Сквозь голые ветви строго взирала одинокая утренняя звезда. В начале века, дерьмового, но, к счастью, уходящего, голодный петроградский математик доказал, будто Вселенная постоянно расширяется. Абсолютная чушь! Расширяется голова Петера под воздействием алкогольных паров. Сейчас в ней, пустозвонящей, смутно проступали: веранда «Зеленого какаду», скатерть со стопкой картонных подставок под пивные бокалы, загорелая, в обрамлении седых волос, лысина Сильвестра и поднятые над ней кулаки прежних «крестников» бывшего начальника городской полиции.

Всеми виной был он, Петер Дембински. Или абрикосовая водка. Или злосчастный русский аэродром, где с утра пораньше вертолеты уже пробуют движки: слышен характерный звук.

Петер приподнялся на локте. Запущенный сад дышал в лицо сыростью и необъяснимой тревогой, от которой в тоске сжималось сердце. Так бывало в детстве: на бесшумных войлочных подошвах страх крадется к твоей кровати, чтобы схватить и унести на кладбище, где среди могил бродят мертвецы в саванах и горят таинственные огоньки.

В дальнем углу сада запел дрозд. Желтоклювая птица прочищала горло, и Петер подумал, что ему тоже неплохо горло промочить. Мозаика вчерашнего вечера на веранде «Зеленого какаду» сложилась вдруг в цельную картину. Неожиданная мысль сорвала Петера с кушетки и бросила за ствол мертвого платана. Сама собой замкнулась логическая цепочка: обиженный вчера Сильвестр известен как заядлый охотник-снайпер, причина неприятности – Петер. Щелчок курка – грохот выстрела – венок с лентой от скорбящих сограждан: «Петеру Дембински, самоотверженному демократическому журналисту».

Прижимаясь щекой к шершавой коре, Петер долго стоял под прикрытием платана. Дрозд заливался вовсю, его бодрая песенка уносила пьяные и нелепые страхи Петера. Ну что ему может сделать Сильвестр?

О Габриэлле напомнил взбодрившийся с восходом солнца ветерок. Ветер проделывал с туманом то самое, что Габи каждое утро вытворяла с одеялом. Стянув его с Петера, в конце концов сбивала в неопрятный комок длинными красивыми ногами. Теперь жена отлучит от семейного ложа дня на три.

Петер с опущенной головой побрел к дому по песчаной дорожке. Мысль о гудящей электропроводке вызывала дрожь.

Что заставило его обернуться? Из почтового ящика торчал угол конверта, а почтальон еще не подъезжал. Ею скрипучий велосипед слышен издалека.

Почтовый ящик был укреплен с внутренней стороны калитки. Калитка оказалась приоткрытой и заскрипела под рукой Петера. Он потянул на себя влажную от росы ручку и невольно вздрогнул.

Да, это и был тот самый звук! Металлический щелчок щеколды. При свете дня совсем не страшный, но... Но, значит, все же не приснился Петеру, и ночью кто-то побывал в саду. Побывал и оставил телеграмму.

«Корреспонденту газеты «Завтрашний день», – прочел Петер и разорвал коричневую бандероль.

Через минуту журналист хлопал себя по карманам в поисках сигарет, руки дрожали от волнения и азарта: этой ночью в сад заглянула сама Большая Сенсация. Уж если из яблока,

сорванного русским школьником в чьем-то саду, Петер мог приготовить остренькое газетное блюдо, то сейчас масть сама шла ему в руки.

Была одна закавыка. «Завтрашний день» принципиально выступал против насилия. Впрочем, всем известно, что террористы – это палестинцы и прочие арабы. Если же силу в качестве аргумента выдвигают патриотически настроенные люди, это совсем другое дело. А «Фронт освобождения от русских оккупантов» – организация, несомненно, патриотическая.

Петер ощутил легкий зуд в подушечках пальцев. Сложившиеся в голове фразы требовали выхода на монитор компьютера. Первая полоса вечернего выпуска обеспечена. Материал будет сенсацией недели, а то и месяца – жаркого месяца в середине лета, названного по имени римского императора. Петер резво потрусил к дому.

Заканчивая репортаж о русском аэродроме и местных патриотах, Петер Дембински чувствовал себя триумфатором не в меньшей степени, чем Юлий Цезарь после выигранного сражения. «Итак, – мерцали на экране строки завершающего абзаца, – командир русских летчиков поставлен перед серьезным выбором. Ваш корреспондент не знает имен тех, кто бросил вызов, предъявил давно назревшие требования. Как местному уроженцу мне известно лишь то, что в городе Охотничья Деревня у Края Луга все мужчины владеют оружием».

Теперь можно перевести дух. Покурить без спешки и пропустить двойную стопку рома. Бог хранит детей и пьяниц!

В мансарде соседнего дома распахнулось окно. Пьяница в наличии, а вот и... Да нет, бюст у этой девочки отнюдь не детский!

Петер дружески помахал Еве початой бутылкой. Между ними было метров десять. Десять метров и – восемнадцать лет разницы.

Петер вздохнул. Ева улыбнулась. Петер отстучал последнюю фразу репортажа: «Курок взведен!»

8. Небо было голубым

Подполковник Вадим Бокай сам вылетел на разведку погоды. Прошедшая в тревогах ночь не оставила следа на его лице. Хмуриться заставляло голубое небо за остеклением кабины – чистое до самого горизонта. Или окоема – слова, имевшие русскую душу, больше нравились Бокаю. Но, как ни называй, эта воображаемая линия не потемнеет от штриховки дождя, не задернется облаками, чего страстно желал бы Вадим.

Голубое небо внушало ему сегодня тревогу. Видимость «миллион на миллион» не требовалась нынче командиру полка транспортно-боевых вертолетов. Наоборот! Но «ветродуи»-синоптики со своими светолокаторами, шар-зондами и прочими анероидами ничего другого предложить не могли. Бокай решил лично доразведать погоду по маршруту и в районе полигона.

На войне решения, принятые вопреки очевидному, нередко приносили успех. В Афганистане Бокай не раз бывал сначала свидетелем, а обстрелявшись, и главным действующим лицом в переделках, о которых ничего другого нельзя сказать, кроме знаменитого петровского: «И небываемое бывает!»

Высаживая десант, приткнуться к скальному выступу всего одним колесом, стартовать с полуторной перегрузкой, разбегаясь по-самолетному, а если не хватает площадки – а ее обычно не хватает, – недрогнувшей рукой направить машину за край и падать в пропасть среди скал, пока лопасти несущего винта не обретут опору в разреженном воздухе высокогорья... А что другое можно было сделать? Оставить раненых на скале до утра? А кто другой бы еще подсел на ту площадку?

Бокая упрекали в излишнем риске. На Бокая молились матери и жены в далекой России. Бокая грозили снять с должности и... представляли к очередной награде. А Золотую Звезду получил за вылет, после которого сначала был отстранен от полетов.

... Душманский ДШК костю засел в горловине ущелья, затрудняя вертолетчикам огневую поддержку дравшегося в глубине десанта. С высоты и боевого разворота Бокай вышел на эту позицию, ударил «эрэсами» и, недолго думая, приказал борттехнику захватить сам пулемет. Но расчет, оказывается, не был уничтожен: «духи» укрывались в скалах и решили постоять за свое оружие.

Когда с ними было покончено, вертолетчики нашли в пещере связанного человека в форме афганской армии без знаков различия. Это был полковник Ржанков, который служил военным советником. С той поры и – той скальной площадки – брала начало их с Бокаем дружба.

Сегодня утром, прощаясь, Геннадий Николаевич посоветовал усилить охрану всех объектов и повременить с полетами. Бокай и сам ощущал фронтовой интуицией: в последние дни вокруг аэродрома сгущается атмосфера.

Словно перед грозой. Соберись она в самом деле, командир полка мог бы с полным основанием отменить полеты. А небо было голубым!

– Командир! – позвал Бокая по переговорному устройству летчик-штурман. – Прямо по курсу...

– Вижу, – ответно нажал тангенту переговорного устройства Вадим. Он тоже заметил сквозную, растрепанную ветром облачность, которая никак не могла претендовать на сложные метеоусловия.

– Кошкины слезы. Даже на приличную стирку не хватит.

– В Сибири бы не хватило. А тут больше и не надо. – Бокай усмехнулся, кивнул.

Если в Сибири сто верст не крюк, то здесь – расстояние от восточной границы государства до западной. Тесновато живет Европа и с воздуха кажется одним населенным пунктом. Акку-

ратные небольшие города нанизаны на проволочно-блестящие нитки железных дорог, сельские поселения посажены так тесно, что почти нет между ними просвета. Все дома будто под одной крышей – красной черепичной на юге, а к северу тускнеющей до цвета шифера. Хорошо различаются на этом фоне строгие прямоугольники – жестяные кровли военных городков: спрятаться негде.

Негде и незачем. Какие бы небылицы ни сочиняли сегодня о «тайнах русских военных объектов», любой местный мальчонка всегда мог объяснить, где казармы мотострелков или танкистов. В магазинах сразу узнавали жен офицеров по добросовестным попыткам объясниться на пальцах, но протеста у продавцов это не вызывало. Скорее улыбку. Улыбкой неизменно приветствовали по утрам Вадима и булочник на углу, и продавщица цветов, и почтальон на велосипеде, любой, с кем ты встретился и поздоровался по дороге.

Что же изменилось теперь? Неужели во всем прав Фридрих Ницше, и целуют только отягощенную хлыстом руку?

Бокай поправил на горле ларинги:

– Возвращаемся на «точку».

Похоже, ловить нечего. Весь улов был – жалкое облачко, отбившееся от стада, чего и следовало ожидать. На орнитологическую обстановку рассчитывать тоже не приходилось – середина лета, до осени и пролета пернатых далеко. Значит, полку судьба летать, и над крышами домов Охотничьей Деревни до заката будет гудеть, кружить, греметь стальная карусель, как вчера – карусель балаганная.

Бокай качнул ручку, передавая управление «праваку»: пусть набирается опыта. Чуть накренив к земле круглый нос, вертолет прошелся над пригородом, где было место первого разворота при заходе на посадку. Тень машины скользила по крышам: черепичным, шиферным, жестяным.

Под каждой из крыш по-разному течет жизнь непохожих людей, но ее русло одно для всех – от истока до устья. Так же как я и ты, работают веслом, думая: вот еще один перекат, вот преодолею эту стремнину, а там будет широкий плес безмятежного покоя и счастья. А там, за последним поворотом реки по имени Жизнь, ждет ревущий водопад и перекинутый над ним мост радуги, по которому вертолетчики переправляются прямо в рай. Ад Афганистана и чистилище Чернобыля они прошли на земле.

С высоты птичьего полета, куда столь охотно поднимали читателей романисты прошлого века, чтобы обрисовать место действия, подполковник Вадим Бокай видел сейчас город и военный городок, почти сомкнувшиеся за годы существования аэродрома. Первые кубометры бетона в его основание были уложены еще до Второй мировой войны. С тех пор Охотничья Деревня разрослась, да и военный городок тоже, но это не мешало жить мирно. Черная кошка пробежала между ними совсем недавно.

Из ворот с красной звездой выехала знакомая Бокаю крытая машина. Начальник штаба высылал солдат для оцепления полигона: ехать долго, не то что лететь. По лабиринту кривых средневековых улиц навстречу грузовику катилась словно бы капелька серебристой ртuti. У Вадима екнуло сердце от дурного предчувствия.

Нет. Обошлось. Благополучно разминулись на перекрестке советская военная машина и безумец в блестящей каске, оседлавший «самоликвидатор». Всегда бы так!

Приземлившись, Вадим сдернул перчатки, стянул шлемофон. В классе предполетной подготовки его ждали летчики, а летчиков на стоянках ждали вертолеты. Ярко сверкало остекление кабин. Чуть подрагивали лопасти винтов. Предупреждая о предстоящей работе с оружием, алели флажки, как вываленные из пасти языки гончих собак. Собак перед полем не кормят, но вертолеты – другое дело. Баки будут досыта залиты керосином, щедро наполнятся «эрэсами» круглые блоки, похожие на револьверные барабаны, не будут забыты и бомбы.

Чего уж теперь жалеть боеприпасы, когда войска Группы выводятся? Шагая мимо стоянок в класс предполетной подготовки, Бокай с мрачным удовлетворением отметил, что гроза, во всяком случае над полигоном, обеспечена. Молнии с неба ударят.

А небо было голубым. И теплый воздух струился над бетонкой, рисуя волшебные замки мечты.

9. Лед и пламень

О чем мечтала этим утром Ева Миллер? Точнее спросить: о ком? Ей было восемнадцать, и она еще неокончательно потеряла надежду встретить своего принца. Вчера смешной русский паренек обронил фразу, что женится на королеве...

Распахнув в сад створки окна, Ева сладко потянулась. Ночная рубашка снята и брошена на подоконник. В ложбинке между грудей поблескивал крестик капельного серебра.

Вторым вопросом на последнем экзамене в гимназии ей попался Ларошфуко, о котором Ева не знала ничего, кроме имени: Франсуа. Остальное о французе, жившем триста лет назад, укоризненным шепотом рассказал господин учитель. Еве запомнилась фраза: «Юность – это как бы опьянение...»

Поскольку господин учитель обычно начинал свои лекции жалобами на печень, следовательно, теперь уже не пил, мудрая мысль, скорее всего, принадлежала тому самому Франсуа. Ева полностью разделяла ее! Месяц назад гимназия с облегчением проводила в свет свою не самую прилежную ученицу, а шипучий пунш выпускного вечера до сих пор шумел в коротко остриженной ее голове. Пунш или, как утверждает дядя Артур, ветер. А вдруг не пунш и не ветер, а крылья эльфов, слетавшихся к ее окну? Нынешним утром, оправленным в алмазную росу, как часики фирмы Картье, нет ничего не возможного.

Загорелую кожу ласкали горячие солнечные лучи, воздух же был точно фруктовый йогурт из холодильника – свеж и прохладен. Без мгновений, в которые сочетается несхожее, жизнь была бы очень скучной.

Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...

Ева опять подумала о русском парне, которого Дон подло надул в тире. Зато и она отвергла предложение Дона погулять в парке по аллее любви. Вернувшись домой, отыскивала среди книг томик Пушкина. Вдохнула над титульным листом, где учитель русского языка осторожными выражениями объяснился в любви гимназистке. Когда русский язык был исключен из программы обучения, вместе с ним из гимназии и не слишком верного сердца Евы ушел и молодой учитель. А Пушкин остался.

По-русски Ева могла произнести лишь три фразы, забавный диалог о якобы главном содержании жизни великого народа: «Кто там? Сто грамм. Тогда к нам!» Чтобы понять Пушкина, необходим большой запас слов. К счастью, у нее имелся хороший перевод «Евгения Онегина».

После приключения в тире спать не хотелось. Ева с ногами залезла в кожаное кресло, зажгла сигарету и, подумав, свечи в канделябре. Старинными бронзой, оружием, часами и посудой был забит весь дом. Артур промышлял антиквариатом, держа магазинчик в первом этаже дома, где они жили.

Падал пепел сигареты, поднимался к скошенному потолку голубой дым, и Ева попеременно была то русским барином, то Татьяной или Ольгой. Дойдя до сцены дуэли, Ева не поленилась и принесла снизу кремневый пистолет. Неужели из этой тяжелой неуклюжей штуки возможно попасть в цель? Она брала на мушку рогатый канделябр, курила, грызла яблоко, читала.

Холодный свет луны и теплое пламя свечей лежали на подлокотнике кресла, страницах книги. По тропинке среди сугробов сходились Дон и русский парень в кожаной куртке. Снег скрипел под их шагами сначала тонко, потом все громче и отчетливей, и в конце концов Ева проснулась от трескотни принтера.

Свечи догорели до конца. Было утро. Утро понедельника. Ева ненавидела понедельники. Каждый раз все начинать сначала.

Вчера на балагане цыганка среди прочих неприятностей нагадала ей казенный дом. Предсказание соотносилось с намерением Артура устроить племянницу секретаршей в кооператив по выращиванию шампиньонов. Хорошо, дядя спозаранку укатил в соседний городок, где намечался аукцион крестьянской керамики. Однако рано или поздно это ждет тебя, милая: стук клавиш компьютера с утра до вечера, а вовсе не трепетание крыл каких-то эльфов под окном.

Сосед Петер Дембински, маячивший в отдалении на своем участке, на роль эльфа явно не подходил. Еще Ева подумала, что русская девушка Татьяна не выставилась бы в чем мать родила в окне усадьбы. Но Петер был почти свой, солнце пригревало так ласково, а с улицы, за деревьями, ее никто не мог увидеть.

Разве что молодая женщина с плаката. Или женщины, потому что их было две – с одним лицом, но такие разные!

Рекламный щит появился зимой, накануне Рождества. Он был разделен на две части. Женщина левой половины уныло горбатилась за старым «ундервудом», словно бы приволаченным с барахолки дядей Артуром. Стол ее завален бумажными папками, во взгляде и опущенных плечах машинистки – столетние тоска и обреченность. Зато на правой половине, сменив платье в горох на открытый вечерний туалет, а «ундервуд» – на рояль, та женщина казалась существом из другого мира.

Как перешагнуть черту и протянуть руку к бокалу на чернолаковой крышке рояля? Хрустальному бокалу с ледяным шампанским, начав день которым можно больше ни о чем не думать.

Рекламный щит – на то и поставлен! – предлагал готовый ответ: «Покупайте билеты лотереи “Тото-лото”!» Но Ева, выросшая без матери, в такие сказки не верила. Уж лучше что-нибудь про эльфов. Рыцаря на белом коне и... в коричневой кожаной куртке. Пошлет такого Бог – и Ева поставит свечку.

Легкое облачко задержало солнце. Легкая тень пробежала по лицу Евы. Распахнув навстречу утру створки окна и бессмертную, если верить церкви, душу, она стояла обнаженная, одинаково готовая грешить и молиться. Однако час утренней молитвы миновал. Колокол в госпитале Святой Марии-Магдалины отзвонил, не услышанный Евой. Зато невозможно было пропустить мимо ушей тугой звон – и мертвого поднял бы на ноги – мотоциклетного двигателя. Возникнув в центре городка, он спицей проколол тишину окраинной улочки, приблизился и в короткие мгновения сменился скрипом тормозов.

Это был Дон. Никелированная каска времен Второй мировой войны, которую он носил вместо защитного шлема, стрельнула в окно солнечным зайчиком. Хромом сиял и японский мотоцикл, как бы вылетевший с рекламного щита. Красивая игрушка взрослого ребенка богатых родителей.

– Эгей, старушка, ты проснулась?! – заорал Дон на всю улицу, спугнув голубей и кравшующую к ним кошку. – Я уже иду!

Ева отпрянула в глубину комнаты. В столбе солнечного света плыли унылые пылинки. Понедельник. А для Дона нет понедельников. Стоит ей нажать кнопку электрического замка, и калитка откроется. Дон посадит ее за спину, и они вместе покатают по городу. Мимо гимназии. Мимо проходной консервного завода. На Ратушной площади вслед сверкающей «хонде» закружатся конфетные обертки, обрывки серпантина – жалкие ошметки вчерашнего веселья. И гори огнем шампиньонная контора, куда сватает ее дядюшка!

Так она думала, пока Дон шел по песчаной дорожке сада, поднимался вверх по скрипучей лестнице. Косметикой Ева с утра не пользовалась, в бюстгальтере не нуждалась вообще. Когда Дон с несвойственной предупредительностью постучал в дверь, Ева была готова: эластичная юбка плотно облегла бедра, синяя футболка оттеняла голубизну глаз.

– Утром ты еще лучше, чем вечером, – сказал Дон. На сгибе его локтя, как лукошко, покачивался второй шлем. – Что ты решила насчет своей работы?

– Пока ничего. Артур укатил с утра пораньше. Честно говоря, это он за меня решает.

– А ты всегда послушная девочка? Всегда слушаешься дядю Артура? Всегда... и во всем?

Ева одернула футболку:

– Ты свинья, Дон, и мысли у тебя грязные. Артур – порядочный человек, он заменил мне отца и мать.

– Ха! – ухмыльнулся Дон. – Заодно мог заменить и любовника. Сколько лет он ошивался за решеткой? В тюрьме на такие вещи смотрят без предрассудков.

– Значит, – коротким движением Ева провела по лицу, и оно закаменело, – тебе там было бы самое место. Артур не такой. Он не был уголовником, ты прекрасно знаешь, его посадили за политику.

– Стоит не хлопать ушами, а уходить за границу вместе с умными людьми, – примирительно сказал Дон. – Был бы сейчас при деньгах и в почете, как мой дед. Кстати, на той неделе он отвалил мне неплохой куш на собственное дело.

– Поздравляю. – Ева насмешливо присела в книксене. – Ты выбрал себе хорошего деда.

– Это дед выбрал правильный путь – на Запад. К чему спорить? У меня есть предложение. Насчет твоей работы.

– Если предложишь печатать на машинке, то...

– Нет, Ева, нет. Зачем портить такую осанку. – Дон сглотнул, кадык дернулся на его толстой шее. – Сейчас съездим, посмотрим мои будущие владения, и ты решишь...

Глаза Дона смотрели в одну точку – на крестик капельного серебра в глубоком вырезе футболки Евы.

10. Предчувствие любви

В классе предполетных указаний пахло мелом и сухой тряпкой. У коричневой доски, похожей на школьную, уже отметились дежурный синоптик и связист, штурман полка и заместитель командира по инженерно-авиационной службе. Завершающее слово держал подполковник Бокай.

– Полеты начинаем в простых метеоусловиях. Но! Солнце – это сушь, сушь – пожар. Поэтому на полигоне не зевать. Высота небольшая. Угловая скорость перемещения относительно ориентиров высокая. При пусках и бомбометании «мазать» запрещено. За каждую сбитую в лесу ветку нам выставят счет в валюте. Взыщу с экипажа...

Бокай поднял руку, пережидая шумок:

– Ладно, до этого пока не дошло. Шучу. Вопросы есть?

Вопрос был один на всех – о ночном подметном письме.

– Будем надеяться, что это просто неудачная шутка, – ответил Вадим. – Надо провести беседу с женщинами: детям лучше не выходить пока за территорию части. На ночь усилим караулы. Еще могу сказать: начальник военной контрразведки Группы войск взял дело на контроль.

В тишине кружилась бобина старомодного ленточного магнитофона. Подполковник Бокай нажал клавишу. Предполетные указания закончены. Начинаются полеты. На душе у командира полка было беспокойно.

Сердце капитана Першилина тоже необъяснимо частило под выгоревшим «комбезом». Костя заново открывал для себя голубизну неба, привольную ширь аэродрома, где такой пьянящий воздух и дорога каждая примета. Вот проехал топливозаправщик, тренькая по бетонным плитам цепочкой, вот желтая собака предупредительно уносит ноги подальше от машин, моторов, антенн.

Полчаса до начала летной смены. Предчувствие полета как предчувствие любви. Табачные крошки недокуренной сигареты на губах...

Сигарету Першилин затоптал далеко от стоянки вертолетов, куда они шагали сейчас по рулежной дорожке вместе с Мельниковым. Пересушенная военоторговская «Прима» слишком бойко стреляла искрами. На другие сигареты денег перед получкой не было. Вчера в тире Костя выгреб всю мелочь.

– Ты к Галине все же приглядишься, – вспомнил Мельников их неоконченный разговор. – Даже если верно все, что про нее треплют...

– Про меня тоже разное болтают, – пожал плечами Костя. – На каждый роток не накинешь платок. Всех слушать? Был бы человек хороший.

– И я о том, – кивнул Женька. – Тем более, из бывших грешниц получают самолучшие жены.

Костя промолчал. Насчет грешниц у Женьки опыт был богаче, и то обжегся. Вернувшись из Афганистана, Мельников узнал, что молодая жена не скучала в его отсутствие. Он развелся с таким треском, что едва не вылетел даже из скромного кресла летчика-штурмана. Теперь подробности шумной истории, где фигурировало и сдернутое со стены охотничье ружье, подзабылись. Першилин добился, чтобы его штурману разрешили сдавать на второй класс: по опыту и мастерству Мельникову самое время перебираться в левое кресло командира экипажа.

Женька и Костя были ровесники, одного года выпуска. После училища лейтенанта Першилина бросили на Чернобыльскую АЭС, а лейтенанта Мельникова через полгода отправили выполнять интернациональный долг. За пару месяцев до Афганистана Женька и обзавелся подругой жизни.

Один слетал за Аму-Дарью и который год ходил старшим лейтенантом, другой набирал «рейганы» – так перекрестили «рентгены» тем жарким летом по-над речкой Припятью – и до сей поры не обзавелся семьей. С кем судьба обошлась ласковее?

Они шли бок о бок по рулежной дорожке. Выходило солнце. Жара еще не обжигала горячим дыханием.

– Слушай, Женя, – остановился Першилин в тени тополей, ограждавших стоянку от ветра. – А ведь я своим отказом тебе кислород перекрыл. Ну, если бы ушел на «салон» к командующему, левая чашка железно твоя. На должность командира экипажа ты первый кандидат.

– Угу, – кивнул Мельников, – посему не рви волосы даже на голове. Будет свободная клеточка – назначат.

– Когда-то она будет? При нынешнем сокращении...

– Подожду. Молодой ишшо, – скорчил Мельников придурковатую мину, но вдруг серьезнел, снял и сунул под мышку фуражку. Легкий ветер перебирал выгоревшие пряди. – Грех нам бога гневить, командир. Вспомни Диму Буштаренко. «Стингер» скovyрнул его на моих глазах. А Емельянов?

– Погиб в Армении, – тоже снял фуражку Костя. Мельников сказал то, о чем думал и сам Першилин, глядя на колышущиеся по бетонке тени тополей. По вершинам деревьев пробегал невесть откуда залетевший ветерок, словно последнее прости-прощай, привет с высот, намного превышающих потолок вертолета.

11. Дружила собака с волком

Свои партии контрразведка играет черными фигурами. Первый ход делает противник. Он начинает, за ним инициатива, у него есть время, чтобы продумать варианты атаки и защиты. Контрразведчик вступает в игру под угрозой цейтнота.

Выйдя от командующего, Геннадий Николаевич прямо из приемной позвонил в главное управление столичной полиции. Представился поднявшему трубку дежурному, объяснил ситуацию и попросил заказать пропуск на половину десятого. Некоторое время мембрана настороженно потрескивала, затем вежливый голос сказал, что все будет передано руководству и господин полковник может не волноваться.

Ржанков с сомнением покачал головой и перезвонил в свой отдел. Там уже знали о случившемся и оценили возможности для страховки нормальной деятельности аэродрома. Геннадий Николаевич вспомнил строчку из ультиматума: «Мы знаем, как можно незаметно войти в ваши дома и казармы...» Системы защиты аэродрома, конечно, следует привести в действие, но у двери каждой офицерской квартиры не поставишь часового. Надо искать авторов послания. Правовой статус Группы войск требовал в данном случае работать вместе с компетентными органами страны пребывания. Половина успеха будет обусловлена тем, как сложится разговор в управлении полиции. Прежде подобный опыт у Ржанкова имелся, но тогда в сером здании с гранитными колоннами его называли «товарищ полковник». А «господин» и «товарищ» – две большие разницы, как любит говорить водитель Ржанкова одессит Саша Трандофилов.

Геннадий Николаевич вызвал машину на восемь пятнадцать, пожал руку порученцу командующего и, наконец, пошел домой. Полчаса сна были необходимы ему перед разговором с полковником здешней полиции Конрадом Лейлой. Да, многое в расследовании, подумал Ржанков опять, зависит от того, сумеют ли они найти общий язык. В прежние свои встречи они говорили по-русски. А сейчас?

Во сне Ржанков видел аэродром, повитый голубой дымкой, лицо Вадима Бокая в рамке кожаного шлемофона и огнепроводный шнур, по которому с характерным шипением бежал огонек. Геннадий Николаевич открыл глаза.

На кухне в адской машинке, недавно приобретенной Ксенией, сварился кофе.

– Доброе утро, папуля! – Дочь стояла на пороге, левая щека была красной от подушки, глаза, припухшие от сна. – Как охота, где дичь?

Всего за месяц летних каникул Ксюша сразу и резко повзрослела. Уверенно произвела захват некоторых шумток матери, оказавшихся ей в самый раз, а вместе с ними как будто приобрела требовательные интонации голоса. В последние недели, начитавшись о зверствах НКВД-МГБ-КГБ, все настойчивее выпрашивала, чем занимается отец и его организация.

«Контрразведывательным обеспечением войск Группы, контрабандой, – серьезно перечислял Геннадий Николаевич, – а еще похищаем младенцев и едим их живьем с твоим любимым томатным соусом».

С каждым днем отбиваться было все труднее.

Ксения поставила чашку на подлокотник кресла:

– Отвечайте, товарищ полковник!

– Есть, – невольно улыбнулся Ржанков. – Дичь в лесу, охота продолжается.

– Скажи еще, что на диверсантов, – зевнула Ксения. Ямочки на щеках были совсем как у матери двадцать лет назад. – Ты все шутишь, папа, а я уже вышла из того возраста.

– Шутить не вредно в любом возрасте, – сказал Ржанков, повязывая галстук. Машина ждала у подъезда. А кофе у дочери получился с привкусом паленой резины – не уследила за кофеваркой, прокладки пригорели.

Каким-то кофе угостит Ржанкова его давний приятель? Среди своих предков полковник полиции Конрад Лейла числил турок и национальный напиток готовил с должным прилежанием.

Через час Геннадий Николаевич вспомнил о турецком кофе без прежнего энтузиазма. Столица встречала тепло, даже слишком. В раскаленной коробке «жигулей» – была в особом отделе специальная машина с внешним видом доходяги, но мощным сердцем – роторным двигателем под облупленным капотом – охотнее думалось о холодном пиве. Когда Лейла был заместителем министра внутренних дел, холодильник в комнате отдыха за его кабинетом содержал напитки на любой вкус. «От нуля до девяноста девяти градусов», – уверял Конрад и, кажется, не обманывал, однако сам предпочитая чистый тоник без капли спиртного. Несмотря на неизменно добродушный вид, этот толстячок слыл в МВД человеком себе на уме, профессионалом, думающим о карьере, способным ради нее на многое. Что и доказал, выучив русский язык, когда это благоприятствовало служебному росту, жестко придерживаясь партийных догм, а при смене курса – первым в министерстве внутренних дел выложив на стол партийный билет. Новое руководство МВД оценило жест, и Лейла остался служить, правда, в должности несравненно более скромной.

Форсированный двигатель бесшумно вынес «Жигули» на виадук, откуда на мгновение открылась перед Ржанковым столица страны пребывания – красивейший город Европы. Никогда не хватало у Геннадия Николаевича времени, чтобы просто погулять по нарядным улицам, зайти на органную службу в кафедральный собор, похлопать по каменным загривкам львов на набережной. И главное, быть может, самое главное из всего, что нужно успеть перед отъездом на родину, – постоять в утренней тишине у обелиска над братской могилой советских солдат, бравших этот город. Просто постоять и подумать, к чему мы пришли и куда идти дальше.

– В горку и то на четвертой передаче шпарит, – прервал мысли Ржанкова водитель, в котором солдата срочной службы выдавала лишь уставная стрижка. – А еще говорят, товарищ полковник, что мы не умеем делать машины.

– Мы все умеем, если захотим, – ответил товарищ полковник, не отличимый сейчас от обычного служащего советского загранучреждения: серые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, но зато и с галстуком. Подумав, Ржанков добавил: – Или очень разозлимся.

Перед входом в серое здание, где размещались министерство внутренних дел и главное управление столичной полиции, Ржанков спрятал эмоции в карман. Дурное настроение – признак плохого тона. Чем хуже шли дела, тем оптимистичнее улыбался Ржанков. Сейчас на лице Геннадия Николаевича появилась улыбка на три с четвертью: навстречу шел полковник Лейла. И тоже улыбался. Внешне шеф оперативной группы «Акция-2» выглядел помолодевшим. Лицо и обширная лысина покрыты бурым городским загаром, куда-то убралось брюшко, подпертое револьвером в новенькой желтой кобуре. Обнявшись – с виду лучшие друзья, – Ржанков и Лейла вошли под строительные леса, окружавшие пятиэтажное здание.

– Выше только архив и Господь Бог, – заметил Лейла. – Кофе будешь?

– От твоего фирменного кто же откажется?

– Помнишь, значит? Увы, жаровню вместе с Моничкой я сдал по описи досточтимому преемнику, – ухмыльнулся Лейла. – Но твое желание – закон, Геннадий Николаевич. Мой бывший кабинет, если ты не забыл, этажом ниже. Сейчас позвоню секретарше...

– Не стоит, – Ржанков удержал руку Лейлы, взявшегося было за телефонную трубку.

– Спасибо, – благодарно кивнул Лейла. – Знаешь, с просьбой особенно трудно обращаться к тем, кому раньше мог приказывать.

Ржанков сделал вид, что не понял намека. Достал из дипломата и протянул Лейле конверт с «Последним предупреждением».

– Кофе будет с меня и армянский коньяк в придачу, если твои парни помогут вычислить этого любителя изящной словесности.

Сидя на краешке массивного стола, Лейла пробежал глазами ультиматум.

– Подлинник?

– Да.

– Пальчики?

– Отпечатки нечеткие, но есть.

– Поглядим... – Лейла кулаком постучал в стену и сказал явившемуся на зов худому высокому парню: – Гуго, детка, отволоки на экспертизу. Отпечатки. Второе: один шанс из тысячи, что шрифт машинки уже был засвечен, но лучше проверить. Если психоаналитики еще не свихнулись от жары, пусть прикинут психологический портрет автора. Лично я не вижу за всем этим серьезной угрозы. Шалости подростков, которым нечем заняться на каникулах. Зато у нас из-за летних отпусков работы неуправляемый.

– Намек понял, – сказал Ржанков, когда сотрудник вышел. – Значит, ты никого не выделишь мне в помощь из своей группы?

– Извини.

– А местная полиция? – спросил Ржанков, уже понимая, что Лейла со своей звучной «Акцией-2» не тронется из столицы.

– Да, я сейчас же отдам им указание. Порядок остается прежним. Если нужно опросить кого-нибудь из наших граждан, полиция делает это по твоему представлению. Протоколы допроса получаете не позднее суток.

– Конрад, черепашими темпами мы не продвинемся в этом деле. Ты сам понимаешь.

– Хорошо, я потороплю с экспертизой и результаты сообщу тебе сам. – Лейла выколотил трубку о край пепельницы. – Ведь мы старые друзья?

– Надеюсь, и останемся ими, – поднялся Ржанков, про себя подумав: дружила собака с волком. Кто волк, а кто собака, Геннадий Николаевич предпочел не уточнять.

– Обязательно, – с преувеличенным жаром сказал Лейла. На лысине у него выступили росинки пота. Воинственно торчал рукоятью вперед револьвер в поясной кобуре, придавая Конраду облик опереточного частного детектива. Ржанков чуть задержал его пухлую ладонь в своей руке:

– Мой дружеский совет – достань себе другую кобуру. Эта уж слишком желтая.

12. Красная стропа

Лейтенант Бородин сматывал шнур с красными флажками, оцеплявший вертолет. Это была стропа.

Красная стропа помогает не спутаться при укладке парашюта. Ее выпросил Филипп у начальника парашютно-десантной службы полка.

Красная стропа, красная строка... Год назад, прибыв в полк транспортно-боевых вертолетов, новоиспеченный лейтенант в который раз решил начать жизнь с новой строки. В прежней, курсантской, а еще раньше – школьной – Филиппу не хватало цельности в характере. Так дружно утверждали все его любимые девушки. И последняя из них Марина, отказавшаяся выйти замуж: «Завтра тебе понравится другая женщина. Послезавтра на Памир какой-нибудь потянет. Нет у тебя определенности, Филиппок!»

Правда, потом она жалела, Марина. Это когда Бородин получил назначение в Группу войск, за границу. Но Филипп догадался, что говорило в ней не чувство высокой любви, а страх перед повальным дефицитом, поразившим торговые точки.

И он уехал один. Гордый и полный решимости встретить хорошую девушку, чтобы полюбить раз и навсегда.

Надежды Филиппа блестяще оправдались в первый же день. Что было удобно – Галина работала официанткой в столовой летно-подъемного состава, поэтому три раза в день свидание обеспечено. Что было неудобно – предстояло тактично объяснить сегодня командиру экипажа, кто есть лишний в любовном треугольнике.

У самого Бородина сомнений на сей счет не было. Не раз – и на вечеринках, и вчера тоже – Галка говорила: «Все будет хорошо, и мы поженимся! Но только, дорогой, что скажет твоя мама?»

С мамой вопрос Бородин решил. Для этого понадобилось всего десятка полтора писем. В конце концов она признала, что дело не в возрасте – был бы человек хороший. А лучше Галки, известно каждому, на свете никого нет.

Смешно, но факт – Филипп любил еще и свою проклятую специальность: раньше всех появлялся на аэродроме и позже всех уходил. Летом в жару, зимой на ветру паши как папа Карло. В награду – три звездочки на погонах и перспектива получить четвертую при выходе на пенсию. А все же любил! И вертолет тоже. Обидеть машину может всякий, недавно вот часовой на стоянке проколол штыком лопасть – говорит, нечаянно. А пожалеть, приласкать машину способен лишь бортехник.

Первое время Бородина страшно бесила привычка командира пинать перед стартом левое колесо шасси. Есть у летчиков свои дурацкие приметы. Но позднее Бородин подметил, что Першилин стучит по «дутику» чуть-чуть, любовно, как если бы почесал за ухом собаку или потрепал по холке лошадь. У техники, верил Бородин, живая душа, машина чувствует отношение к себе человека.

Капитан Першилин понимал душу аппарата, а это дано не всякому, кто держит ручку. Вертолет слушался Константина беспрекословно, и Бородин заключил: его капитан – лучший летчик в полку. Не зря же его приметил командующий и хотел пересадить на «салон».

С виду «салон» – обычный вертолет, но грузовая кабина преображена чудесным образом. Кресла, диван, полированные столики. На этой летающей гостиниой Першилину пришлось бы позабыть о своих любимых кренах, горках, боевых разворотах.

Константин «салон» пренебрег. Бородин надеялся, что командир откажется и за Галкой ухаживать. Зачем морочить голову женщине? Сам же говорит, что «чернобылец» и – полное сексуальное благодушие. Не понять – правду говорит или шутит, а только Галка неспо-

койна при нем. Что-то было между командиром и Галкой недоговоренное или недопонятое Филиппом.

Борттехник лейтенант Бородин аккуратно сматывал шнур, а мысли – виток за витком – подводили к выводу, что нельзя тянуть с решающим объяснением. Сразу же после работы на полигоне Филипп решил по-мужски поговорить с командиром.

Убрав шнур и стойки в грузовую кабину, Филипп вытер ладони чистой ветошкой, подтянул молнию «технички». Бортовой техник должен выглядеть не хуже своего родимого «борта». А вертолет смотрелся прекрасно в ярких лучах утреннего солнца. Мощный, лобастый, он чем-то неуловимо походил на вожака волчьей стаи, перед которым по неожиданной прихоти егерея распахнулся оклад. Красные флажки не ограничивают свободы. Вперед и выше! С красной строки, с красной стропы...

Когда человек принял решение, ему легче дышится. Одно влечет за собой другое. Завидев шагающего по рулежной дорожке командира (и рядом был, конечно, змей подколотный Мельников), Филипп подумал: завтра утром он сделает Галке официальное предложение. Зачем откладывать, в самом деле? Жизнь военного человека полна неожиданностей.

Лейтенант Бородин еще не знал, что выпустил джина из бутылки, смотав красную стропу с флажками.

Аэродром готовился к полетам. Прощупывали небо антенны, по экранам локаторов бежали развертки, выхватывая белые пятнышки «местников», и помощник руководителя полетов уже дослал в ствол ракетницы толстый патрон с зеленым дымом.

13. Эхо давних выстрелов

Есть много способов успокоить нервы – Сильвестр Фельд предпочитал пистолет. Конечно, его «Диана» не боевое оружие, всего лишь духовая пукалка, но тоже требует верного глаза, твердой руки, а перво-наперво – хладнокровия. Стрелки знают, что даже удар пульса способен увести пулю от цели. В груди Сильвестра уже давно klokотал вулкан, и, чтобы раздражение не прорывалось в каждом слове, он начинал день тремя сериями по десять выстрелов. Укрепив мишени на стенке сарая, он с каждым новым щелчком пули все вернее брал себя в руки.

Сегодня результаты были ни к черту. Сильвестру не удалось выйти из девяноста. Накануне в «Зеленом кабаду» сопляки основательно испортили настроение. Всаживая пульки в черное яблоко мишени, Сильвестр снова видел их наглые прыщеватые физиономии, и ствол «Дианы» подрагивал вместе с возмущенным сердцем старого полицейского.

Впрочем, с недоумков много ли спросишь? Мозг что лесной орешек. Неразбериху в незрелые души вносят такие, как Петер Дембински, – безответственными, а то и прямо подстрекательскими статейками. Сильвестр помнил, что в пятидесятые, когда страну в одну неделю охватило братоубийственное безумие, шелкоперы только подливали масла в огонь. Сейчас они окрестили те дни днями Гнева и Скорби. Вот только о ком скорбят? На кого гnevаются господа большие умники?

– Вести, где ты, Вести? – услышал Сильвестр голос жены. – Опять дурью маешься? Сходил бы лучше на рынок. Гертруда, поди, уже все овощи распродала. Десятый час, да и пульки твои денежек стоят!

Сильвестр затаил дыхание и тронул пальцем легкий спуск. Мимо! Последняя пулька ушла «за молоко», а ему собираться за зеленью. Как старому покупателю Гертруда пока еще давала Фельду десятипроцентную скидку.

Через минуту с корзиной в руках он ехал на велосипеде в сторону Ратушной площади, где по утрам разрешалось торговать крестьянам из окрестных хуторов.

Собравшийся с вечера дождь не пролился над городом. Однако ни свет ни заря проехала поливальная машина, и воздух был чудесно свеж, а голубое небо безоблачно, как ранним утром почти полвека назад, когда Сильвестр в коротких штанишках бойскаута шагал из города, таща швейную машинку «Зингер» на закорках. Война отгремела. Месяц назад русские заняли Берлин. Отца Вести уж не ждал домой, его главной мечтой было поставить на ноги заболевшую мать. Отпоить молоком, вкус которого он сам давно забыл. Накормить настоящим пшеничным хлебом, а если повезет – салом. Для того и волок фанерный сундучок с машинкой – обменять в селе. Русских Вести не боялся. В глубине души даже надеялся встретить этих непонятных победителей, которые не жгут и не насилюют, как предрекал однорукий комендант в черном мундире СС, удирая из города. Русские угощали колючей махоркой, а Вести уже знал волшебную силу табака, способного заглушить голод. Выйдя из дому с первым лучом рассвета, он не отказался бы от хорошей самокрутки, но никого не было на мощенной булыжником шоссейной дороге, обсаженной липами.

Мотоцикл валялся в неглубоком кювете сразу перед поворотом. Это был немецкий БМВ армейского образца. Вести как привороженный уставился на русскую фуражку с квадратным козырьком и голубым околышем, придавленную погнутому рулю машины. Хозяин мотоцикла и фуражки лежал поодаль, гимнастерка на его спине была покрыта засохшей кровью.

Вести не первый раз видел смерть, и он не испугался тем утром, определившим многое в его дальнейшей жизни. Русский был убит выстрелами в спину. Непонятным для себя образом Вести сразу представил, как все здесь произошло этой ночью. Офицер ехал в город со стороны аэродрома, перед поворотом сбросил скорость, и тут его настигла пуля из кустов.

Перейдя дорогу, Вести и в самом деле обнаружил три гильзы от автоматического пистолета, обломанные веточки и следы. Будь это отпечатки солдатских сапог или егерских ботинок, Вести не удивился бы. Перед ним на влажной земле были четкие следы подростковых сандалий. Таких же, в какие был обут он сам.

Вести примостил рядом сундучок с машинкой, сел, и перед его глазами чередой прошли знакомые парни. После боев за городок оружием обзавелись многие, не все сдали свои арсеналы и после предупреждения русской комендатуры. Так кто же? Налетевший сзади ураган швырнул Вести на землю, скрутил за спиной руки,дохнул в лицо крепким табаком: «Он, гаденыш, убил капитана!» На погонах русского солдата нашивки складывались в букву «Т», как посадочный знак на летном поле. Сам солдат тоже был с аэродрома, обветренный, прокуренный и злой.

Так Сильвестр впервые познакомился с крепкими русскими выражениями и папиросами («метр палишь, два бросаешь», – говорили о них на черном рынке), которыми угостил приехавший под вечер военный следователь. Он громко говорил, много курил, ерошил на голове Вести давно не стриженные вихры, а на месте убийства капитана тяжело вздыхал: «Бедняга, а ведь ему послали на Героя... Бедняга, всю войну отмолотил, а через месяц после Победы... Зенитки не сбили, “мессеры” не скушали, а на земле погиб».

Вести потянул следователя за рукав и показал на гильзы. Одна куда-то исчезла, другая была затоптана в землю, а третью Вести еще раньше спрятал в карман. Военный сыщик pokrutyл в руках медный цилиндр: «Парабеллум... “Вервольфы” шалют, не иначе... В одном Прокопову повезло: ни жены, ни детей, ни родителей. Все погибли. Плакать будет некому».

Вести понял, что так звали убитого – Прокопов. Он не мог понять, почему до слез жалко русского летчика. Может, Вести не выплакал слезы по отцу, занесенному роком войны в Россию и погибшему на реке Дон? Или чувствовал свою вину за выстрелы, прогремевшие на повороте проселочной дороги? Вести никому не сказал о следах, которые видел под кустами орешника. Он сам решил найти стрелявшего.

Прокопова хоронили на другой день. В ограде госпиталя Святой Марии Магдалины было кладбище, где между крестов уже появились зеленые дощатые пирамидки с красными жестяными звездами. Вести протолкался среди летчиков в кожаных куртках. Бросая горсточку земли (узкое лезвие гробовой крышки проступало далеко внизу, как бы по ту сторону земного шара, и уж во всяком случае по ту сторону земной жизни), Вести попросил убитого летчика передать отцу привет. Не может быть, чтобы попы все врал. Сильвестр верил: погибшие солдаты как-то могут переговариваться, и отец узнает, что мама поднимется на ноги (пожилые обозники из комендатуры дали хлеба, крупы и даже подарили серую козу, не взяв взамен машинку «Зингер»), что Вести не обижает мать и заботится о ней.

Комья освященной земли падали на крышку с легким стуком. Несмело ударил колокол. Над городом с ревом пронеслись две пары самолетов с красными звездами на распластанных крыльях, рванул салют. На могиле русского летчика вместо обычной пирамидки поставили пропеллер истребителя. А убийцу так и не нашли – ни много говоривший военный следователь, ни Вести, которого следователь угощал папиросами и разными криминальными историями.

Привычка к необычному куреву и любовь к детективному чтиву сохранилась у Сильвестра по сей день. И пропеллер – правда, уже не тот, трехлопастной пропеллер истребителя Як-3, а сработанный умельцами вертолетного полка из желтой латуни – по-прежнему отпугивал залетных херувимов от надгробия капитана Прокопова.

...За воспоминаниями Сильвестр не заметил, как асфальт под колесами велосипеда сменился торцовым булыжником, которым была вымощена Ратушная площадь. Балаган – полтора десятка тяжелых грузовиков с аттракционами – покинул городок ночью. Теперь на месте каруселей появились столы с зеленью, фруктами и колбасами, а там, где в декорациях пещеры ужаса встречал гостей граф Дракула, сейчас похрюкивал в загородке здоровенный боров.

Гремел рычаг старинной колонки, под струей, исторгнутой из чугунных труб, таксист мыл длинные груши, в центре площади ворковали голуби – был понедельник, один из многих тысяч на памяти площади. Обычный день недели. Но нет, не совсем обычный. От Гертруды, точнее, ее племянницы, крутившей у прилавка подолом пестрой юбчонки, Сильвестр узнал, что сегодня готовится взрыв советского аэродрома.

– Кто тебе сказал такую чушь? – не поверил Сильвестр, и сердце стукнуло тревожно.

– Мясник. А он слышал по радио последние новости из газеты «Завтрашний день». Там прямо сказано, что от русских нет житья, и вот наши местные решили...

Сильвестр ехал к дому корреспондента «Завтрашнего дня», держа руль одной рукой, а другой невольно поглаживал ссадину на подбородке. Такую откровенную утку Дембински не мог запустить даже спяну. Значит, есть доля правды за сообщением в проклятом листке.

Стреляная гильза от парабеллума «Борхардт – Люгер» всегда напоминала подполковнику полиции Сильвестру Фельду, что за ним должок перед людьми, которые полвека назад не дали пропасть мальчишке в шортах бойскаута и его больной матери. В ушах звучало эхо давних выстрелов.

Выстрелам вместе со взрывами и положено оставаться там, в далеком прошлом.

14. Воскрешенный из небытия

Два дня назад Першилина выдернули на смотрины к командующему прямо с предполетной подготовки, и сейчас он тоже опасался: вдруг что-нибудь опять встрянет, вклинится, помешает. Но ничего подобного не происходило. После подполковника Бокая, летавшего на разведку погоды, Костя вторым поднимет машину в небо. Первым проложит дорогу на полигон всей эскадрилье.

На стоянке вертолетов Першилина встретил докладом лейтенант Бородин. Слова борттехника были привычны, да и без них Костя видел, что аппарат готов к полету и бою: блестящие под солнцем блистеры, крутые камуфлированные бока, подкопченные въевшейся гарью из выхлопных патрубков блоки реактивных снарядов на фермах подвески, две бомбы «сотки».

– Не хватает курсового пулемета, – заметил Мельников. – Афган доказал, что «курсовик» – штука не лишняя, и Филиппок был бы при деле. Лично меня в детском саду всегда тянуло из чего-нибудь пострелять.

– Это заметно, товарищ старший лейтенант, – бросил Бородин на Мельникова испепеляющий взгляд. – С тех пор вы недалеко ушли. А стрельба, по мнению умных людей, не самый убедительный аргумент. Когда говорят пушки, молчат не только музы!

– Командир, в экипаже пацифист! Разрешите, проведу с ним индивидуальную работу.

Бородин нахмурил брови, но Мельников опять не испугался. Суровое выражение на лице лейтенанта начисто губил румянец. Вспыхивая на щеках в самые неподходящие моменты, румянец был проклятьем Филиппа. Вот и сейчас – зарделся, словно красна девица, а за этим обычно следовала какая-нибудь дерзость с его стороны.

– Брэк! – как судья на ринге, развел руки Костя, подумав, что нынче днем с огнем не найти девушку, которая способна краснеть. Взять, скажем, красотку из тира. Невиннейшие глаза при немыслимой юбчонке. Воистину наряд Евы после грехопадения. Костя пнул – на счастье – тугой «дутик» левого колеса и вспомнил ее круглые коленки. Но в кабину вертолета вслед за собой Еву постарался не пустить. Отогнал легкомысленное видение. Его ждало строгое пилотское кресло, и вот уже ремни подвесной системы парашюта с грубоватой лаской обняли плечи. В четырнадцать глаз поглядели с матово-салатной доски круглые оконца приборов: «Готов, командир?»

Он был готов. Застегивая ларинги переговорного устройства, Костя мысленно еще раз прокрутил полет от старта до самого полигона и пуска реактивных снарядов и сказал:

– Поехали. Мельников – «молитву»!

Мельников пошел по пунктам «молитвы» – технологической карты работы экипажа с оборудованием кабины:

– Чехлы, заглушки?

– Сняты. – В голосе Бородина была готовность отличника, не боящегося любых вопросов.

– Колодки, стремайка? – не заставил ждать Мельников.

– Убраны.

Каждая позиция – очередная ступенька к старту. Чем меньше вопросов остается у летчика-штурмана в запасе, тем ближе небо.

– Несущий винт?

– Расторможен, – ответил, в свою очередь, Першилин, попутно глянув на циферблат часов. Через несколько минут колеса его вертолета должны оторваться от бетонки.

– Аккумуляторы?

– Включены.

Все, что касалось дела, розовощекий лейтенант знал без подсказки. Першилину просто повезло с борттехником.

- К запуску готов! – чуть торжественно доложил Филипп.
- Запуск левому!

Пошли движки – один, затем второй. Першилин чуток сдвинул форточку. В кабине и так было жарко, а теперь солнце лупило прямой наводкой. Обязательно надо и экипажу не промазать на полигоне – полет выполнялся за навечно зачисленного в списки первой эскадрильи капитана Прокопова, погибшего при загадочных обстоятельствах через месяц после войны.

Першилин выкатился со стоянки и рулил на старт. Из сдвинутой форточки воздушный поток отдувал русский чубчик, прищемленный шлемофоном. Воздух летного поля... Костя не мог им надышаться, хотя всего два дня не был на аэродроме.

Здесь все оставалось по-прежнему. Рулежная дорожка со стоянки вела к взлетно-посадочной полосе. Полоса упиралась в лес, сразу за которым начиналось небо. Ее протяженности доставало бомбардировщикам, летавшим отсюда бомбить русские города, а после – реактивными машинами победителей с красными звездами на плоскостях. «Миги», обладающие разбойным посвистом (и оные почему-то не мешали тогда жителям города), сменили более скромные Ми-8. Для вертолетов взлетно-посадочная полоса была избыточно просторной, будто одежда с плеча старшего брата.

Широко – не узко. По-другому будет в небе, тесном небе над Европой. Советским летчикам отведена заплатка воздушного пространства над полигоном и ограниченный эшелон, подобный забитому вещами коридору коммунальной квартиры, где лоб в лоб не разминуться.

Першилин всякий раз думал: а вдруг? Вдруг опять – встречным, пересеченным ли курсом выплывет белый планер, ослепит солнечными зайчиками?

Запросив и получив у командно-диспетчерского пункта разрешение на взлет, Першилин прямо с контрольного зависания пошел в набор высоты. Распахнулся горизонт. Распахнулась навстречу душа Кости, где предчувствие любви потеснило ставшее обычным перед стартом ожидание встречи с белым планером.

Хронометражистка на командно-диспетчерском пункте щелкнула кнопкой секундомера и положила никелированную луковицу в ячейку деревянной подставки. Время пошло.

Погибший полвека назад, воскрешенный из небытия, капитан Федор Прокопов снова был в воздухе.

15. Росчерком пера

Дон курил, по-хозяйски развалившись в кресле в спальне Евы, и смотрел на куклу по имени Барби, добытую вчера в тире, сквозь кольца табачного дыма. Пускать дым кольцами он научился в армии от одного унтер-офицера. И только он научился пускать дым кольцами и не опаздывать в понедельник на развод после домашней воскресной побывки, как прошло полтора года и настала пора вернуться в Охотничью Деревню.

Вернуться и решать, что делать дальше. Корпеть над учебниками, а хуже того – работать Дональд не горел желанием. И тут, благодарение судьбы, как снег на голову – заокеанский дедушка.

Долгое время о нем не вспоминали в благополучном и осторожном семействе адвоката Фишера. Надо было потеплеть международной обстановке, чтобы имя дедушки Болдога зазвучало за вечерним чаем. Потом пришла посылка из Сан-Франциско. Затем солидный перевод в твердой валюте. Наконец приехал и сам дедушка Болдог, разбогатевший на мыле. Он придумал делать мыло, которое не тонет в ванной, а спокойно плавает себе на поверхности, как... И эта мысль принесла миллионы!

Дон курил и думал. Если набить пузо картофельным салатом, живот делается как барабан, а в башке никаких мыслей. Кровь от головы отливает к брюху. Но! Когда на завтрак ты съел ломтик радужной форели, пару сэндвичей с колбасой и сыром, запив чашкой кофе «Эдушшо», тело наливается здоровым соком. Думаешь уже не о хлебе насущном. Мысли расправляют крылья и бьют копытами наподобие коней, венчающих триумфальные ворота в честь давно забытых побед далеких предков.

Мысли о власти и тех же победах: сколько можно быть битыми! А еще об универсальном ключе, отпирающем любые ворота, в том числе и триумфальные, – кредитной карточке солидного заморского банка.

Честно говоря, на эти рассуждения навел Дона его дед: «Хочешь, чтобы я остался? В таком случае власть в городе должна принадлежать тебе. Или таким, как ты, молодым демократам. В городе и стране. Только не останавливайся на достигнутом. Остановиться – значит отстать, а власть любит сильную руку, своевременно раздающую и цветы, и оплеуху».

Дед умел говорить афоризмами. Чтобы удержаться в седле и проскочить в муниципалитет, для начала надо умножить стартовый капитал, им выделенный.

И в этом Дону поможет Ева! Он привстал с кресла, изловчился и набросил колечко голубого дыма на шею Барби.

Среди игрушек тоже есть свои звезды. Добытая в тире кукла Барби была суперзвездой. Специально под десятидюймовый рост игрушечной голубоглазой блондинки выпускают роскошную мебель и копии автомашин престижных моделей, не говоря о разных тряпках. И планку рейтинга красота кукольного мира держит высоко не первый год. Дон помнил: еще пару лет назад младшая сестра в письме Санта-Клаусу кланчила на Рождество домик для своей Барби.

Тогда Санта-Клаус пожадничал и прислал под елку всего лишь новое платье. Настоящий Санта-Клаус в лице деда объявился лишь этим жарким летом, полным тревог, и подарил-таки домик. Два этажа, гараж в цоколе, солярий на крыше, бассейн в саду, тир для стрельбы из лука.

Дон потянулся и взял с журнального столика кремневый пистолет. Если насыпать в ствол порох и забить пулю, эта штучка вполне способна выстрелить. В доме Евы полно таких занятных штучек.

Ева нравилась Дону. Ее длинные ноги и легкий нрав. Даже то, что не пошла с ним вчера, а сейчас бросила одного и суетится на кухне. Хлопочет о своем обожаемом Артуре, но так и положено. Он хозяин, он зарабатывает деньги.

Не больно много, судя по обветшалому дому и задрипанному «трабанту», на котором Артур раскатывает по округе, скупая старье. Тем вернее Ева не откажется.

– Ты еще долго? – крикнул Дон в открытую дверь.

– Спускайся вниз, я сейчас.

Ева как раз насадила цыпленка на вертел. Хорошо бы натереть чесноком, но время торопило. Не конкретные пять-десять минут, а вообще. Какую службу предложит ей удачливый Дон? Сейчас все кругом твердят: главное – не упустить свой шанс. Инфляция, безработица... Ева не хотела об этом думать. Но даже цыпленок в холодильнике был последний – как напоминание о грядущем экономическом кризисе.

«Сегодняшний день хуже вчерашнего, но лучше завтрашнего», – недавно привез Артур из столицы последнее присловье.

Ева запрограммировала гриль на половину первого. Куда бы ни отлучался дядя, к часу обязательно приезжал на обед. Теперь – она оглянулась – все.

В прихожей Ева накинула ветровку. Дядин плащ горбился на вешалке. Отвисшие полы были влажными от росы. Опять Артур бродил где-то ночью.

Как ни странно, Ева мало знала о своем дяде. И совсем ничего об отце и матери. По словам Артура, оба умерли, когда Ева была еще маленькой и ничего не понимала. Может быть, теперь они встретились? Там, за облаками.

Об этом Ева подумала уже на крыльце. Мама, видишь ли ты свою дочку, что с малознакомым человеком собралась черт знает куда? Если видишь, не осуждай, пожалуйста. Ты тоже была молода. И тоже не без греха, иначе... Кто бы сейчас зарядил в гриль цыпленка для дяди Артура?

Ева мягко притворила садовую калитку. Дон завел свое заморское чудовище:

– Каску можешь не надевать. Здесь близко.

Близко было для «хонды», в единый миг насквозь прострелившей городок. Автобус, который они обогнали, добирается до предместья минут двадцать. Здесь, вблизи от русского аэродрома, были загородные дачки наиболее состоятельных земляков Евы.

В зеленом переулке рядом с гольф-клубом Дон припарковал мотоцикл.

– Нам напротив, – остановил он шагнувшую к входу Еву.

– Сюда? – спросила она с недоверием.

Серый дом со щедро застекленным вторым этажом выглядел нежилым. Шторы в окнах опущены донизу, высокая и тяжелая дверь не отпиралась, кажется, много лет, хотя табличка говорила о другом: «Открыто ежедневно с 11 до 22».

Ева посмотрела на свои часы:

– Еще и десяти нет.

– Не важно. Должны ждать.

– Кто?

– Мои служащие, – хмыкнул Дон и надолго придавил кнопку звонка. – И прежний хозяин «Парадиза».

– «Парадиза»? А что это такое?

– Узнаешь. Потерпи еще минуту.

«Лучше бы тебе этого и не знать», – словно шепнул кто-то в уши Еве, но отступить было поздно. Дверь распахнулась. Толстяк в клетчатом костюме с ходу предложил:

– Сок, пиво, швепс?

Дон нетерпеливо мотнул головой.

– Тогда прошу наверх, – клетчатый костюм с ног до головы раздел Еву оценивающим взглядом. – В студии несколько кабинетов, клиент сам выбирает декорации и типаж. Утреннее освещение наиболее подходит для колониального стиля.

На втором этаже Клетчатый толкнул первую по коридору дверь и вежливо пропустил вперед Еву. Пол в комнате был застелен жестким ковром. У стеклянной задернутой шторой стены стояли пальмы в кадках. Под ними – Ева невольно вздрогнула и прижалась к Дону – лежал лев.

– Чучело, – кратко пояснил Клетчатый и дернул шнур, открывая шторы. – Левдохлый, зато у Барбары темперамента на двоих живых. Принимает такие позы, что и мертвого поднимет из могилы. – Он хлопнул пухлыми ладонями: – Барби!

Из-за ширмы вышла голая женщина в тропическом шлеме и высоких ботинках. На животе болтался охотничий нож, по заду шлепала объемистая фляга. Не вполне твердая походка Барбары наводила на мысль, что фляжка не всегда была пустой.

– Это и есть колониальный стиль? – скептически прищурился Дон.

– Можно включить софиты, – сказал Клетчатый. – Для тех, кто любит цветочные сюрпризы, есть подсветка – красная, оранжевая, желтая...

– Зеленая, голубая, синяя, фиолетовая, – насмешливо переиначил Дон. – Никакая радуга не спасет при таких моделях. Человек приходит в фотостудию, чтобы в свое удовольствие поснимать обнаженную натуру, которая ласкает глаз, а не... Извините, Барбара... Сколько вы ей платите?

Клетчатый назвал цифру.

– В час? – спросил Дон, доставая блокнот.

– Зачем? – удивился Клетчатый. – За весь рабочий день. Девять часов с обеденным перерывом. Кроме Барби у нас есть Кати, Анди...

– Амарилла, – опять продолжил Дон за Клетчатого. – Эти помоложе, пусть пока останутся.

– Барби была нашей звездой.

– Считайте, что звезда закатилась. Колониальный стиль вышел из моды. В Африке последняя обезьяна уже спрыгнула с дерева и голосует теперь за Нельсона Манделу... Контракт готов?

Клетчатый послушно наклонил голову: свою партию он проиграл.

В эти минуты Дон почти нравился Еве. Дурацкую железную каску он оставил на руле мотоцикла. Под черной курткой белая рубашка без декоративных заплат. Деловой, с блокнотом и авторучкой. Перо «Пеликана» поблескивает, источая кругом золотые лучики. Дон угадал настроение Евы:

– Элизу и Амариллу разукрасим цепочками, как новогодние елки. Это будут арт-модели для молодежи. Для бойскаутов расценки снизим вдвое. Пусть развлекаются...

Он обращался к Клетчатому, но Ева понимала, что своими планами Дон делится прежде всего с ней:

– А настоящая звезда и подаваться должна в обрамлении звезд. Пятиконечных! Советская символика и военная форма всюду идут категорией «люкс», а у нас под боком целый аэродром. Я договорюсь об аренде вертолета, русским нужна сейчас валюта. Вот это будут кадры! А то – лев. Ты согласна, Ева?

Ева опустила глаза и встретила взглядом с Барбарой. Барбара сидела на полу, обняв траченного молью царя зверей. Под ребрами у нее торчала рукоять охотничьего ножа, словно женщина сделала себе харакири. Ее зарезал Дон – одним росчерком золотого пера.

– Да, – еле слышно сказала Ева.

16. Восемнадцать мегатонн

Першилин выполнил разворот с легким ученическим креном, памятуя о бомбах «сотках» на подвеске. От посланной вперед педали и одновременного наклона ручки солнце закатилось куда-то за спинку кресла. Вместо него в поле зрения Кости тут же возникла физиономия Бородин с торжествующим на щеках румянцем. Борттехник вернул ненужный теперь солнцезащитный щиток в первоначальное положение, взглядом спросил: так?

Першилин кивнул: спасибо, брат! Обе руки его были заняты. Правая – на ручке, левая сжимала рукоять «шаг-газ». Курс – сто семьдесят, высота – семьсот пятьдесят, скорость – двести двадцать.

Попутно-привычно взгляд собрал показания других приборов. Шаг винта, обороты двигателей, температура выхлопных газов. Норма, норма, норма. Алая лампочка тревоги не вспыхнула ярким светом. Но и не погасла совсем в сознании Кости, тлея себе потихоньку. И сегодня настойчивее, чем всегда.

Никаких разумных оснований для этого не имелось. За три года маршрут на полигон был излетан днем и ночью. Знаком Косте лучше, нежели кратчайшая дорога к «Зеленому какаду», проторенная через лесок сменяющимися поколениями летно-подъемного состава и наземных специалистов. Но если на тропке не исключалась встреча с неожиданностью в лице боевой подруги или вышедшего «на охоту за скальпами» коменданта гарнизона, то курс на полигон приключений не сулил. Проложенный так, чтобы оставить в стороне химкомбинат с частокотлом труб и ажурных опор высоковольтных линий, маршрут имел четкие наземные ориентиры – военный городок мотострелков, склады, учебный центр Группы войск.

Вот над ним, беззащитным с воздуха – о маскировке пехота и думать позабыла, – Костя Першилин и заметил однажды белый планер. На проверенно спокойном маршруте неожиданность подстерегала его – новичка, только-только прибывшего по замене в Группу войск.

– Командир, – плеснул в наушники бодрый голос Мельникова, отвлекая от воспоминаний, – чуток прибери обороты. Ветерком подносит, выйдем на точку раньше расчетного. А там вдруг не ждут?

И, поймав, как кошку за хвост, мотивчик известной детской песенки, Женька изобразил писклявым голосом:

– Может, мы обидели кого случайно, сбросив восемнадцать мегатонн...

– Распелся. – Костя чуть прибавил обороты. – Попади хотя бы «сотками».

– Будь спок, командир. Вложу тютелька в тютельку. От двух бортов в угол. Хотя «соткой» попасть труднее, чем мегатонной. Мне так кажется.

– А ты мог бы и мегатонной? – неожиданно подал голос Бородин. И было в голосе исполнительного, чуть восторженного лейтенанта нечто такое, что Мельников живо обернулся. Филиппок, как воробей на жердочке, нахохлился между креслами командира и летчика-штурмана. Над его головой подрагивал от вибрирующего грохота движков треугольный выпел – мандат на выполнение полета за капитана Прокопова.

– Мегатонную наш конек-горбунок не вытянет, – спокойно ответил Мельников. – Вот единственная причина.

– И, – Бородин повел было рукой, ею не завершил движение, ограниченный теснотой кабины, – не жалко будет всего этого?

Химкомбинат – да и он поддымливал аккуратнo, белым дымком – канул за хвостовой балкой, и с высоты в прозрачном утреннем воздухе было видно далеко окрест.

За лобовым остеклением кабины проплывал на диво ухоженный мир. Ухоженными были крестьянские усадьбы под красными черепичными крышами, поля, окаймляющие автостраду, и сама автострада. Шестиполосная, она живо напоминала необозримую взлетно-посадочную

полосу, по которой мчались разномастные, разнофасонные автомобили, готовые вот-вот взлететь в воздух от избыточной своей скорости, и не случайно многие снабжены антикрылом. Мчалась, летела, спешила Европа, посверкивая солнечными зайчиками от блескучих хрома и никеля в облицовке японских, американских и собственного производства автомобилей.

Радую глаз, оставляло увиденное на душе грусть-печаль. Ясное дело, счастье не только в этих сверхмощных и шикарных автомобилях, автострадах шестиполосных. Но вот что обидно до жути: чем мы хуже этих нами же битых европейцев? Могли бы жить не хуже. Страна – богатая, народ – талантливый. Так в чем беда?

Беда одна, беда уже нескольких поколений – никак не повезет на командира экипажа. Вот и получается, как в той песенке фронтовых лет: «Мы летим, ковыляя во мгле...»

Но подобные мысли слишком далеко могли завести, как и предшествующий разговор с Мельниковым.

– Экипаж! – чуть напряг Першилин голос, и ларинги теснее обжали горло. – Разговорчики! Соблюдаем дисциплину радиообмена.

Старый прием, известная лазейка: когда не знаешь, что сказать, смело повышай голос. Костя был недоволен собой. Но боевая машина – не трибуна для упражнений в словоблудии.

Першилин отпустил подпружиненную тангенту переговорного устройства. Каков, однако, Бородин! Впрочем, что удивительного? Взрослея, парень приобретает собственное мнение о мире, который столь стремительно меняется. Ведь и сам Костя смотрел вокруг иными глазами, когда засек белый планер, возвращаясь на аэродром из полета в зону.

И тоже было в зените лето, и небосклон, дочиста отмытый грибным дождем, уже отшумевшим, чуть подсинили первые сумерки. В легком воздухе планер парил диковинной белой птицей, рождая у Кости ощущение праздника.

Праздник длился недолго. На лаковом фюзеляже была голова орла – опознавательный знак дислоцированного рядышком – по ту сторону границы – авиационного соединения НАТО. На мгновение холодком обожгла мысль: не сам ли он, недавно прибывший по замене молодой командир экипажа, потерял ориентировку и залетел на чужую территорию?

С ним был штурман, служивший в Группе не первый год. Он отсекал сомнения и кивнул Першилину на обтекаемые гондолы под крыльями планера. Почудился даже высверк линз, блеск мощных объективов. А внизу учебный центр Группы войск, да и аэродром недалеко.

Костя сжал зубы. Крепко сцепил, словно было между зубами лезвие ножа, с которым ему сейчас лезть на abordаж. Ничего другого не оставалось, между прочим: в гнездах незаряженных НУРСами блоков беспечно посвистывал ветер.

А планер – уплывал. Ловя распластанными плоскостями последние перед закатом восходящие потоки, спиралью набирая высоту, а с высотой подкапливая потенциальный запас скорости, планер уходил к границе. Першилин запросил командно-диспетчерский пункт.

«Действуйте по обстановке», – уклонила земля от решения и ответственности. Тогдашний руководитель полетов хотел без приключений дослужить до пенсии. Костя понял ответ правильно: «Бери решение на себя, раз такой глазастый и все замечаешь. Но и все шишки, все предстоящие иголки со скипидаром – тоже твои».

Уходило, невозвратно уходило время, и столь же беззвучно в этом наяву привидевшемся недобром сне ускользала чужая белая птица. Недрогнувшей рукой Першилин послал вертолет вдогон.

В игру вступило третье действующее лицо. По ту сторону близкой совсем границы, не пересекая покуда невидимой черты, утюжил полозьями воздух боевой вертолет «Хьюз-Кобра». Это меняло дело. На душе сразу повеселело. Першилин плотнее охватил рубчатые рукоятки ручки и рычага «шаг-газ». Пилотаж мог стать его оружием. А так на борту одна ракетница. Но в крайнем случае и о ней не стоило забывать.

Еще вспомнил Костя начальные уроки физики. Учительница сближает противоположно заряженные никелированные шарики, сейчас между ними проскочит искра – молния.

Два боевых вертолета шли параллельным курсом, разделенные границей, а между ними плыл белокрылый планер. От земли поднимались сумерки, солнце краешком коснулось горизонта, и его лучи насквозь прошивали кабину планера. Костя отчетливо видел полулежащего пилота, крутившего головой в разные стороны. Неожиданно тот сдернул легкий кожаный шлемофон и помахал «Кобре». При этом на плечи нарушителя воздушного пространства волной упали медно-рыжие кудри: планер пилотировала женщина.

17. Ламбада на пустыре

Ева и Дон вышли из дверей «Парадиза» и сразу окунулись в жаркое летнее утро. У «хонды» стояли два подростка из тех, с кем лучше не встречаться вечером. Грабануть пьяного, поизмываться над запоздалым прохожим, пролететь по улицам с включенным клаксоном, пугая спящих, – любимое их занятие. Но сейчас «югенды» были настроены вполне миролюбиво. Кажется, даже смущены, если подобное чувство было ведомо подросткам. Один сразу отошел к зеленому, как кузнечик, мотороллеру, другой, помладше, кивнул на машину Дона:

– Не бойся, мы просто поглядеть. В салоне-то не очень... Продавец чуть что зовет легавых...

– Смотрите, – великодушно разрешил Дон. – За это денег пока не берем.

Обращаясь к Еве, заметил:

– Когда у меня был «симсон», помнишь эти старые мопеды, их называли «пчела», я мечтал о мотоцикле.

– А теперь о «мерседесе»?

Дон покачал головой:

– Нет. «Мерседес» и так у меня будет. Или «вольво», погляжу. Мечтают – ну, скажем, о чуде. Чего не ждешь, что сваливается на тебя неожиданно.

– Как снег на голову, – вдруг вспомнила Ева русское выражение, часто слышанное от молодого учителя гимназии, и невольно подумала о вчерашнем русском парне в кожаной куртке. Должно быть, он упарился в ней. Вечер был теплым. А сегодняшнее утро еще жарче.

– Хочешь мороженого? – предложил Дон.

– Нет. От него после пить хочется.

– Тогда давай возьмем чего-нибудь выпить, побольше и похолоднее, – предложил Дон, – и рванем за город. Я знаю одно классное местечко. Ты там никогда не была.

– А ты, наверное, всех своих девушек туда возишь.

– Нет. Туда попасть не так просто, – усмехнулся Дон и вытянул из кармана нож. На двери «Парадиза», как белый флаг капитуляции, трепыхалось объявление о продаже. Дон открыл лезвие, подцепил кнопку и снял листок: – Больше не продается. Дело сделано. Теперь, Ева, только с тобой заключить контракт...

Ева промолчала. Они пересекли улицу, Дон заскочил в угловой мини-маркет за провизией. Ева надела шлем, и забрало из затененного оргстекла умерило яркость солнца. Под этим котелком была особая атмосфера. Пахло дорогим табаком и сладкими духами. У Евы закружилась голова.

– Держись крепче и ничего не бойся.

Она перекинула ногу, села в седло, обхватила Дона, сцепив пальцы на его втянутом животе. Машина встала на дыбы, рванулась вперед полным разбегом, и все было так, как представляла Ева ранним утром в своей мансарде, и даже еще лучше. Пролетели мимо Ратушная площадь, где разбирали карусель и фанерные декорации пещеры ужаса, монастырская больница за оградой красного кирпича и граничащий с ней пыльный дворик гимназии. В густом звоне двигателя канули другие звуки, которые хранила память: ненавистный стук пишущей машинки, скрип дверцы холодильника, из которого вытасчен последний цыпленок, торжественный и пугающий голос органа после воскресной проповеди.

На перекрестке Дон щелчком пальцев подозвал разносчика газет. Парня в детстве покорил полиомиелит. Ныряющая походка напоминала лодку в шторм, порванным парусом трепетала на его плечах фирменная бело-зеленая накидка национальной газеты. Еве было наплевать, что пишет «Завтрашний день». Дон пробежал заголовки первой полосы, пока на светофоре горел красный. Под желтый они снова помчались так, словно убегали от большой

беды, и вместе со смятым газетным листком как бы прошуршала мимо Евиных голых коленок плоская и скучная жизнь – не вернуть!

«Хонда» вырвалась на автостраду. Грудью лежа на спине Дона, Ева испытывала необычные ощущения. Сердце Евы билось в такт с сердцем Дона и стальным сердцем «хонды», скорость поднимала и опускала и прижимала к седлу. И то ли стон, то ли шепот срывался с пересохших губ и угасал в мягкой подстежке шлема за оргстеклом затененного забрала.

В чистом и тугом звоне двигателя, в хлещущих по голым коленям теплых воздушных потоках летели минуты и километры. Первый утренний поток машин схлынул. Дону почти некого было обгонять. При съезде с автострады Ева успела прочитать на указателе: «Танцплощадка ведьм. 15 км», и тут же сила инерции вмазала ее в широкую спину Дона, оглушил скрип тормозов.

Нет, пронесло на этот раз. Почти всю ширину проселочной дороги занимал русский грузовик, крытый брезентом. Под брезентом были плотно натисканы солдаты. Из-за борта кузова Ева видела только головы в занятых шапочках-«пилотках» и погоны цвета неба. Наверное, это были аэродромные солдаты. Хотя какой черт занес их на «Танцплощадку ведьм»?

Ева улыбнулась каламбуру. Чтобы улыбка не пропадала зря, она подняла забрало шлема. Молоденький солдат, сидящий у борта, поднял руку с оттопыренным большим пальцем. Дон дал газ, опасно обходя грузовик едва не по обочине.

Дорога была обсажена тополями, чьи верхушки почти смыкались, они ехали по зеленому тоннелю, сворачивали и петляли, пока проселок не обернулся тропкой. В свою очередь, тропка нырнула под насыпь. Дон заглушил двигатель, закатил мотоцикл в бетонную трубу и кивнул Еве:

– Вперед!

В конце трубы свет маячил круглым пятнышком не больше простой монетки. Еве сделалось холодно и страшновато, она успела продрогнуть, пока прошла десять или пятнадцать шагов под насыпью. И слова Дона: «Здесь нас никто не потревожит» – ее не согрели.

Ева с удивлением огляделась. За ореховой рощицей, куда вывел лаз, начинался пустырь. Темнели остовы обгорелых грузовиков и еще каких-то неизвестных машин, ближе всего стоял автобус без колес. От песчаной почвы в лицо дохнуло сухим воздухом с едва ощутимой горчинкой.

– Мусорная свалка?

– Обижаешь, – хмыкнул Дон. – Вчера русский назвал тебя королевой. Разве я могу пригласить королеву на свалку?

Дон снял с ее головы шлем и поцеловал в шею. Ева понимала – шлемом Дон не ограничится.

– Королевой? – переспросила она. – Я не слышала.

– Да. И он оглядел тебя с ног до головы.

Ева ощущала руки Дона на своем теле. Плохо, что ладони были потными. Она сказала:

– Пусть смотрит. За это, по твоим словам, денег еще не берут. У него вообще-то глаз острый. А ты, Дон, на свои глаза не надеешься? Все руками хочешь потрогать?

– Почему? Я тоже стреляю метко. Но помню старое купеческое правило: золотую монету пробуют на зуб. Глаза видят лишь то, что хотят видеть.

Последние слова Дона были чистой правдой! Зажмурившись, Ева сразу увидела русского летчика. Он преследовал ее все утро. И сейчас, чем крепче смыкала она веки, тем ближе казался Костя с чубчиком бойскаута и удивленной улыбкой. Костя улыбался как после первого причастия, а всего-то – один поцелуй... Может быть, и он сейчас вспоминает о девушке из тира?

Ева представила, как выглядит со стороны: ничего романтического. Уверенные руки Дона скользнули вдоль ее бедер снизу вверх (при этом эластичная юбочка собралась у талии

вроде широкого пояса), а теперь двинулись в обратный путь, прихватив, чтобы не было скучно, и трусики.

Ева ощутила ветерок с песчаного пустыря. «Танцплощадка ведьм» – имя национального природного заповедника. И вполне подходящее название для места, куда привез ее Дон, чтобы развлечься тем, к чему Ева не испытывала охоты. Если верить цыганке, гадавшей ей вчера на балагане, занятие это даже опасно для ее жизни: «Позолоти ручку, всю правду открою, не побоюсь, что горькая. Вот видишь, линия Венеры уходит у тебя в подушечку большого пальца, а дальше узелок. Такой знак я видела у тех, кто носит в себе вирус СПИДа...»

Ева не поверила цыганке. Но сейчас – предосторожность никогда не бывает лишней – просвистела несколько тактов мелодии, ставшей благодаря телевизионной рекламе своего рода паролем: «Я согласна. А ты, дружок, доставай-ка резиновое изделие фирмы «Робинсон». В рекламном ролике под эту мелодию указанное изделие опускается с неба на парашютике. И, суетливо похлопав себя по карманам, Дон действительно задрал голову: приятно было поглядеть на его растерянную физиономию!

– Но, Ева...

– Нет, Дон. Без этого ничего не будет. Мне цыганка нагадала...

Дьявол побери всех цыган на свете! Местечко уж больно хорошее.

– Не всяким случаем можно воспользоваться. Давай отложим до другого раза.

– Э, нет! – Дон сбросил куртку, вывалил на нее содержимое пакета с прихваченной провизией. – Это тебе на закуску. Чтобы не скучала. А я быстро. Я быстро смоюсь за этим «Робинсоном». Черт бы его побрал вместе с цыганами!

Дон раздвинул ветки орешника и нырнул в лаз. За насыпью взревела «хонда». Басовитый вначале звук мотора истончился до тонкой струнки. Наконец и она лопнула в отдалении.

Теперь только тишина звенела в ушах Евы. От сегодняшнего утра у нее голова шла кругом. Она закурила длинную черную сигарету из пачки Дона. Нагретый воздух струился над песчаным пустырем, искажая перспективу, ломая прямые линии. Два грузовика сцепились радиаторами, словно бараны. Автобус без колес оторвался от грешной земли и покачивался, будто приглашал сплясать ламбаду.

Ева не удивилась бы, выйди из орешника лев, сбежавший из фотоателье. Весь мир чокнулся, сошел с ума, накренился на своей оси, и она не намерена отставать. Ева сбросила босоножки и футболку, а юбка ей не мешала. Пятки обжигал песок, плечи – солнце. В тишине и одиночестве она танцевала упоительную ламбаду.

18. Закон классической трагедии

Их было трое на дневной лежке: он, она и пятнистый олененок. Маленький уже спал, примостив голову на теплом боку матери, неестественно выпрямив переднюю ногу. В прошлое полнолуние, когда он только начал пастись, краем луга проехала машина смерти, ослепляя украденным у ясного дня лучом солнца. Кто из оленьего народа попадал в луч, больше не мог двинуться с места, и вспышка молнии убивала его.

Начиная с той полной Луны, Маленький часто вздрагивал во сне. И сейчас по пятнистой шкурке прошла волна страха: с голубого пастбища Солнца на зеленое пастбище Земли падал непонятный гул.

Рогач тоже услышал. Он поднялся с лежки и принял боевую стойку. Сердце бойца дрогнуло при виде огромного майского жука с голубым подбрюшьем, летевшего выше верхушек осин и крон вековых дубов, сминая тишину железным гудом. Против такого – нет, не выстоять.

Олени ворохнулись с лежки в чащу. Они шли цепочкой и только шагом, потому что по-другому Маленький не мог: тем злосчастливым полнолунием ему повредила ногу свинцовая горошина. И беда могла настичь вновь, потому что не стало мира в заповедных местах. Любая трагедия может повториться, если каждому не быть настороже.

Заросли орешника сомкнулись за оленями. А «майский жук» – камуфлированный вертолет Кости Першилина – полетел дальше к заповедному озеру.

Благодаря круглой правильной форме озеро казалось зеркальцем, оброненным у кромки леса. Дальше был уже полигон, и для всех летных экипажей, выполнявших бомбометания и боевые пуски, озеро служило ориентиром. Не озеро – озерцо. Першилин не знал его настоящего названия. Да и может ли иметь имя заполненная водой воронка от гигантской силы взрыва? Конечно, не восемнадцать мегатонн, все упомянутых Женькой Мельниковым, но калибр был предельным для бомбы полувековой давности.

И все же озеро, сверкнувшее по курсу отполированным зеркалом тихой воды, не осталось вовсе безымянным. На штурманской карте старшего лейтенанта Мельникова голубая крапинка была обозначена тремя буквами – НБП.

– Начало боевого пути, – доложил Мельников по переговорному устройству и мстительно завершил фразу не принятым в авиации уставным, – товарищ капитан!

В другое время он сказал бы просто «командир». Костя Першилин сразу угодил в приготовленную ловушку:

– На солнце перегрелся? Какой еще товарищ...

– Соблюдаю дисциплину радиообмена, – не пошел на мировую Мельников. – Как вы изволили приказать. Между прочим, мы уже двенадцать секунд на боевом.

От НБП для летчика-штурмана пошла самая работа. Ювелирная. Доводка по точности. На заданной дальности пуска вертолет должен оказаться строго в расчетное время. Женька выдал командиру магнитный боевой курс и за четыре километра до цели начал отсчет.

Сегодня пуск выполнялся с полутора тысяч метров.

– Три восьмьсот... три семьсот...

Голос «правака» потрескивал в наушниках Костиного шлемофона сухими нотками, солнце резало глаза, а борттехник не до конца опустил щиток. Мельников и Бородин словно сговорились досадить Першилину. Вот черти, выбрали минуту! Три триста.

Да, Женька все же обиделся. В острых ситуациях одним словом умел обычно разрядить волнение. Теперь же отсчитывал расстояние до цели бездушно, словно речевое устройство робота или автомат, запрограммированный на уничтожение. В данном конкретном случае – безобидного хлама, призванного обозначать на полигоне командный пункт условного противника. А в общем и целом...

Краешком глаза Костя видел Мельникова. Штурман всем корпусом подался вперед. Не будь привязного ремня, кажется, пробил бы лобовое остекление и летел впереди вертолета, оседлав трубу ОПБ. Оптический прицел для бомбометания Женькой уже приготовлен. После ракетного удара по площади – точечное поражение уцелевших объектов бомбами.

Все по науке. Той науке, где человеческие слова усечены до первых букв и непосвященным кажутся головоломными аббревиатурами. Науке, что воплощена в мегатоннах ядерных боеприпасов.

– Два семьсот! – прозвенел в наушниках голос Мельникова, и Першилин уловил боевой азарт. Женьке нравилась его работа, море огня, которое выплеснется над полигоном. Восемнадцать мегатонн... Видимо, не первый раз Мельников и Бородин спорили по этому поводу. А чью сторону примешь ты, командир?

Костя не знал ответа. Раньше эта простая мысль просто не приходила в голову. Не до пространных размышлений: вертолет на боевом курсе, прямом как стрела, и мысли командира экипажа должны соответствовать: «Взял обязательство – выполни!» На то ты и военный летчик. Для этого жжешь керосин и собственные нервы, снашиваешь в полетах лопасти несущего винта, здоровье и казенное обмундирование. Прочь сомнения, пилот!

– Держи курс, командир! – звенящий азартом голос летчика-штурмана.

– Обороты, давление, температура – норма! – деловой и тоже небезразличный доклад бортехника.

Экипаж забыл обиды, отложил споры. Со строгими лицами, освещенными косыми лучами солнца, они летели навстречу судьбе. Набегала за блистером полигонная земля. Многострадальная, перепаханная взрывами, засеянная осколками стали и чугуна, что может родить она из таких семян?

На мгновение Першилину представились колючие заросли из нержавейки под брюхом вертолета. Так явственно, что вздрогнула щека, и Костя сразу ощутил пластырь, царапину и колдовской поцелуй Евы.

Дьявольское наваждение. Или происки империалистической разведки. Сгинь, изыди!

Но разведка была здесь ни при чем. Задолго до ЦРУ и «Интеллиджепс сервис» песчаная пустошь, над которой летел сейчас вертолет, была известна как «Танцплощадка ведьм». И, видимо, не случайно носила такое имя. Наваждение перед глазами Кости не сгнуло. Напротив. Единственное облачко заблудилось в чистом небе над пустошью. И это курчавое облачко в профиль напоминало кудрявую головку Евы.

– Два ровно, командир! – доложил Мельников. Еще пятьсот метров, считанные секунды. Единство места, времени и действия – закон классической трагедии. И – поражающего удара реактивными снарядами.

19. Царство племени Формико

С ядерного полигона в Неваде полчища муравьев растекались по всему миру. Кто пытался преградить им путь, были перемолоты мощными челюстями. Опрокинутые танки. Перекушенные стволы пушек. Из-за постоянного воздействия радиации муравьи сравнялись ростом с небоскребами.

Только до неба они достать не могли. А погибель муравьям готовилась именно оттуда. За штурвалом похожего на стрекозу вертолета к месту решающей битвы с мутантами вылетел молодой ученый-энтомолог.

Он все знал про насекомых. Он знал, как спасти от них мир, но Еву спасти не успевал. Один муравей подобрался к ней вплотную. С замирающим сердцем Ева смотрела на него сквозь полусомкнутые веки.

Большой рыжий муравей легко нес свое туго подпоясанное туловище среди веточек и пробиравшихся по травинкам. Какую-то травинку он зажал и в крючковатых челюстях. Обнаружив на нехоженой дорожке неожиданную преграду, муравей бросил стебелек и замер, поводя антеннами усиков.

Преградой была рука Евы, ничком лежавшей на теплом песке. Она медленно приходила в себя после ядовитой сигареты. Пачка с крестиком валялась на расстеленной куртке Дона, ее секрет знал, возможно, изображенный на коробке одногорбый верблюд, однако он молчал. И так же молчаливо и решительно двинулся вперед муравей на штурм неведомой откуда возникшего препятствия.

Ева вскочила на ноги. Страшный сон, навеянный фантастическими фильмами, продолжался наяву. Кругом унылый пустырь с брошенными, разбитыми машинами, ржавая дверца автобуса скрипела, покачиваясь на одной петле. О чем думал Дон, когда вез сюда девушку?

Наивный вопрос. О чем они всегда думают? Вот-вот, именно об этом. Быстрее бы уже возвращался, что ли. Отделаться и уехать подальше от мрачного места.

В кустах колючей ежевики Ева не обнаружила лаза, который привел их сюда. Теперь не могла она понять и вспомнить, что заставило ее голой плясать на солнцепеке. Возможно, инстинкт самосохранения. В движениях танца Ева разогрелась, дурман вышел с росинками пота, и только сухость во рту, только слепящий расширенные зрачки свет, только звон в ушах напоминали о наркотическом опьянении.

Среди припасенной для пикника провизии была баночка пепси-колы. В сумочке Ева нашла темные очки. Натянув футболку с Микки-Маусом, она почти пришла в себя, только звон задержался в ушах, как вода после купания.

Ева покрутила головой и снова прислушалась. Так стрекочет винтами теплоход, когда нырнешь под воду. Дон говорил, что где-то неподалеку есть озеро. Но теплоходы не летают.

И это был не теплоход. Не мотоцикл Дона. Струна японского мотора звучит звонче. Сейчас звук был иным. Басовитый, густой. Сопровождающий Еву с детских лет, наполнявший в перерывах между занятиями тенистый дворик гимназии.

Больше всего на свете хотела бы Ева сейчас оказаться там, под кронами платанов. Трезвым и тревожным взглядом она заново окинула пустырь. Покореженные, обгорелые машины. Шрамы на стволах редких деревьев – заросшие и совсем свежие, сочащиеся. Унылое перепачканное песчаное пространство. Здесь царство племени формико. Полигонных муравьев-мутантов и железных стрекоз.

Это была ее последняя здравая мысль. Ритмичный рокот падал с неба, отнимая разум. Царапая руки и плача, Ева с разбегу врзалась в заросли ежевики, но кусты спружинили, отбросили назад. Бежать, но куда?

Единственным надежным укрытием оставался зеленый автобус. Полсотни метров до него Ева пролетела как на крыльях. Нырнула в скрипнувшую дверцу. Рухнула на обшитое дерматином кресло водителя.

Лобовое стекло было выбито. На приборном щитке лежал слой песка. Но в замке зажигания торчал обломок ключа. Ева потянулась к зажиганию и увидела вертолет, который вымахнул из-за кромки леса. Вертолет шел прямо на нее, опустив круглый нос.

– Боже, если ты есть! – обратилась Ева к небу, но в небе в это время шел служебный разговор, и Еву не слышали. Летчик-штурман старший лейтенант Мельников как раз докладывал расстояние до цели:

– Один полста. Пуск!

Зеленая коробочка штабного кунга «противника» хорошо разместилась в прицеле. Руководитель полетов на полигоне дал «добро» на открытие огня. Лишь одно смущало капитана Першилина за мгновение перед пуском неуправляемых реактивных снарядов. Ребята из полигонной команды перестарались, обновляя мишенную обстановку. Остов автобуса оказался слишком близко к лесу и кустарнику, по периметру окаймлявших полигон. Костя не забыл остережение командира полка: «Если хоть малая искра...»

И помня об этом, и не желая посеять лес осколками, Першин чуть круче наклонил ручку вперед. Боевая кнопка послушно подалась под легким нажимом большого пальца – лейтенант Бородин исправно содержал технику.

НУРСы рванулись с направляющих. Толчок отдачи прищипил вертолет в небе над полигоном.

...Ключ зажигания прижавел в замке. Бог отвернулся от Евы. Или решил ее наказать за грехи. Огненный меч сверкнул перед глазами.

В царстве племени формико людям жить нельзя. Муравей подхватил стебелек и понес куда-то.

20. Право самостоятельного выбора

За минуту перед пуском «эрэсов» старший лейтенант Мельников думал, что на месте министра обороны он бы легко поправил финансы своего ведомства. Взять сегодняшние стрельбы. Женька был железно убежден: за такое зрелище не грех брать бабки. Место на трибуне по сотне, а распускающих пацифистские сопли пропускать бесплатно. Пусть раз в жизни поглядят на работу настоящих мужчин.

Море огня, лавина стали плюс звуковые эффекты. Лучше всего смотрятся ночные пуски НУРСов, но и днем нормально, если не жалеть снарядов. Шарахнуть сразу сотней, а не четырьмя, как это сделал сейчас командир.

Остроносые, огненнохвостые дьяволята вырвались на волю из ячеек блоков и ушли к земле. В такие мгновения Мельников не променял бы свое кресло на министерское. Только на кресло командира экипажа.

Ага, вот дьяволята рванули землю своими железными когтями. Женька скривился. Разрывы вспухли рядом с целью, но Мельников «не первый день был замужем» и сразу определил: на этот раз Костя дал маху.

В следующую секунду летчик-штурман увидел на поле человека. Тоненькая фигурка выросла словно из-под земли. Следом за бортом Першилина шел второй вертолет их пары. Еще одного залпа тому человеку не пережить. Пробежав несколько шагов, он упал, обхватив голову руками. Женька понял, что это девушка, и почти крикнул:

– Командир! Отбой! Человек в зоне поражения.

Филипп Бородин понял больше:

– Командир, она ранена!

Минута в небе равна двум на земле, а эта длилась целую вечность. Время остановилось вместе с замершим сердцем Кости Першилина. Он не мог бы объяснить, по каким приметам узнал шальную девчонку по имени Ева. Белая юбка? Такие носит летом каждая вторая. Светлые волосы? Или движение, каким она забросила руки, укрывая голову?

Он не знал. Но был уверен, что не ошибся. Сердце подсказало. После короткой паузы оно зачастило, наверстывая упущенное. Кровь прилила к лицу, шумела у Кости в ушах. Если девушка ранена...

Руки сработали быстрее головы. Тяжелыми жерновами в голове проворачивались мысли о неповоротливости родной военной медицины, о долгой, по ухабам полигона, дороге до госпиталя, а руки вели вертолет к земле. Маленькие, глубоко посаженные глаза (отчего лицо Кости всегда имело недоверчивое выражение) уже высмотрели подходящую площадку.

Крыльчатка вентилятора гоняла в кабине сухой воздух. Вдогон «полсотни третьему» летели проклятия руководителя полетов на полигоне. Эфир над полигоном привык ко всякому, и подполковник крыл открытым текстом. Он категорически запрещает посадку. Хватит с него одного ЧП. На полигоне могут быть неразорвавшиеся боеприпасы. Беда одна не ходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.